

Игра в правосудие

Пьеса в двух актах.

(приблизительно трагикомедия)

Действующие лица:

Джулиус Престон – судья (58 лет)
Аманда – его жена (что-то около 49 лет)
Николь – дочь (22 года)
Рэй – сын (26 лет)
Элиза – племянница (19 лет)
Дороти – домработница (порядка 40 лет)

Акт первый.

Дом окружного судьи Джулиуса Престона. Гостиная. Утро. Из своей спальни выходит Рэй. Потягивается, плюхается в кресло. Берет с журнального столика утреннюю газету. Просматривает ее. Его внимание привлекает одно сообщение. Впрочем, такое ощущение, что он именно это сообщение и искал.

РЭЙ (читает вслух). Сегодня, в двенадцать часов пополудни, состоится казнь над Солом Мелвиллом. Казнь будет произведена посредством электрического стула. За этим процессом будут наблюдать, как представители прессы, так и простые граждане, удостоившиеся такой чести (откладывает газету и смотрит на часы). Так, осталось каких-то полтора часа. Эх, посмотреть бы на сие зрелище! Но, к сожалению, наш уважаемый родитель занял категорическую позицию. Это, видите ли, может повлиять на мою психику. Как будто бы я до сих пор воспитываюсь на детских мультфильмах и сказках... Интересно, а каков, в итоге, расход электроэнергии после такой казни? И кто оплачивает этот расход, сама тюрьма, или городской бюджет? А может такие мероприятия финансируются непосредственно самим государством? Нет, наверное, все-таки обходятся своими местными ресурсами. Ведь не случайно же вчера в течение сорока минут не было света. Очевидно, сэкономили на сегодняшнюю казнь. Однако если здраво рассудить, сколько же нужно электричества, чтобы поджарить на стульчике одного беднягу? Сомневаюсь, что для этого необходимо было погружать во мрак целый округ аж на сорок минут. Наверняка излишек положили себе в карман. Не электричеством, конечно, а живыми деньгами. А было бы не плохо, если бы вместо денег в этих карманах они нащупали пару оголенных проводов под напряжением. Наверняка им хватило бы этого на всю оставшуюся жизнь! Разумеется, речь о тех, кто не очоурился бы прямо на месте.

В гостиную входит заспанная Николь. Подходит к столу и наливает себе кофе. Садится вместе с чашкой в свободное кресло и потихоньку отхлебывает. Затем, как бы замечает брата.

НИКОЛЬ. А, и ты здесь! Давно страдаешь тут в одиночестве?

РЭЙ. Ровно столько, что бы не успеть еще ни по ком соскучиться. Кстати, я бы тоже с удовольствием попил бы кофейку. Почему мне эта мысль сразу не пришла в голову?!

НИКОЛЬ. Потому что это умная мысль. А умные мысли, как правило, не приходят в голову кому попало. Особенно если в этой голове пусто и темно, словно в...

РЭЙ. Не будем уточнять. Я тоже безумно рад тебя видеть. С добрым утром, сестричка! Ты выглядишь просто сногшибательно! Твое зеленое лицо так гармонирует с этим элегантным халатиком; даже не смотря на то, что он весь залатанный.

НИКОЛЬ. Ой, я, кажется, забыла поздороваться. С добрым утром, мой дорогой Рэй! Если не ошибаюсь, твой собственный халат сушится сейчас на бельевой веревке, после того, как кое-кто умудрился свалиться в нем в навозную кучу. Кстати, какого черта тебя, ни с того, ни с сего, понесло вчера вечером в конюшню? Там у тебя было назначено свидание с нашей любимой кобылой?

РЭЙ. Отнюдь нет. Конечно же, мне приятно было лишний раз пообщаться с Маргаритой, у нее, как-никак, интеллекта побольше, чем у некоторых, здесь присутствующих, но тут дело в другом. Вчера, как ты помнишь, было полнолуние. Так вот как раз в такое время в конском навозе можно отыскать заколдованную лягушку, которая превращается в прекрасную принцессу, и тогда в этом доме хоть на кого-то было бы приятно посмотреть.

НИКОЛЬ. Ха-ха! А ты не забыл, что перед тем, как она сбросит свою лягушачью шкурку, ее нужно поцеловать?! А в твоем случае и это вряд ли поможет. Да последняя жаба не согласится иметь дело с таким потенциальным уродом, коим являешься ты, мой обожаемый Рэй.

РЭЙ. Спасибо тебе на добром слове. А теперь можно попросить, налить кофейку и подать мне. Как-то хочется сейчас, чтобы за мной поухаживала моя милая сестренка, пока у тебя еще не выросли клыки от твоего ядовитого язычка, и вместо каких-никаких ручек, способных разве что выкапывать червей для рыбалки, не появились копыта.

НИКОЛЬ (слегка вспыхнув). Перебьешься! Сам нальешь, жук навозный! К тому же, кофе холодный, и особого удовольствия не приносит. Очевидно, Дороти приготовила его уже давно, а сама умчалась за продуктами. Иначе она не допустила бы, чтобы я пила это остывшее пойло.

РЭЙ. А мне как раз нравится холодный кофе. (Встает, наливает, и выпивает) Ах! Хорошо! Холодный кофе гораздо приятнее холодной атмосферы, витающей здесь под твоим руководством. Впрочем, у тебя с этим кофе есть некая схожесть. Если в него и в тебя влить определенное количество коньяка – в тебя, конечно, побольше; я думаю, грамм, этак, двести, не меньше, - то вы оба станете гораздо приятнее: кофе – на вкус, ты – визуально. Будешь лежать на диване, вся такая бесчувственная и молчаливая. Ну, почти, как моя лягушка, перед тем, как превратиться в принцессу. Могу себе представить, в какую принцессу ты превратишься, когда встанешь с похмелья! Ха-ха!

НИКОЛЬ (собираясь было ответить очередной колкостью, вдруг задумалась, как бы что-то попытаться вспомнить, затем встала и поставила чашку на стол). А где отец? Я, кажется, хотела у него что-то узнать.

РЭЙ. Как где! В тюрьме, конечно! Присутствует на казне.

НИКОЛЬ (слегка вздрогнув). Ах да! Сол Мелвилл. Разве это сегодня?

РЭЙ (протягивает ей газету). Вот, прочитай.

НИКОЛЬ (берет газету, бегло просматривает, затем бросает ее на стол). Да, я хотела еще раз попросить его, разрешить присутствовать на казни.

РЭЙ. Бесполезно. Ты же знаешь его характер. Он никогда не меняет своих решений. Если ему взбрело в голову, что его детям подобное зрелище видеть ни к чему, то тут уж проси не проси, все без толку.

НИКОЛЬ. Да, ты прав. Эх, хоть бы одним глазком взглянуть!

РЭЙ. Неплохо было бы. Но...

НИКОЛЬ. А где мама?

РЭЙ. Очевидно в церкви. Сегодня же воскресенье.

НИКОЛЬ (задумчиво). Я вот подумала, электрический стул, это ведь, наверно, очень больно!

РЭЙ. Не знаю. Не пробовал. Но думаю, приятного мало. Если хочешь, могу попросить Стива, он, как-никак, физик. Соорудит тебе такой стульчик. А ты потом нам расскажешь, каковы ощущения. Если, конечно, от тебя что-то останется. Ты же знаешь Стива. Если он за что-то берется, то делает это с максимальной добросовестностью. Особенно, когда дело касается его любимой темы: высокого напряжения.

НИКОЛЬ. Нет уж, спасибо! Лучше попроси Стива соорудить этот стульчик для себя любимого. Я где-то читала, что от высокого напряжения плоть начинает жариться. Так вот полезно было бы твоим мозгам немножко прожариться. Тогда в них появилось бы хоть что-то, кроме одной сырой извилины, которая каким-то непонятным образом случайно оказалась в твоей пустой голове.

Заходит домработница.

ДОРОТИ. Что, опять ругаетесь? И не надоело вам?

РЭЙ. Дороти, что там в городе? Ходят какие-то интересные разговоры?

ДОРОТИ. О, весь город гудит! Только и разговоры, что о сегодняшней казни.

НИКОЛЬ. Конечно! О чем же еще можно говорить в нашем захолустье! Теперь во всех семьях это событие будет главной темой на ближайшие несколько месяцев. Можно даже не сомневаться. А потом опять говорить будет не о чем. И все, набравшись терпения, вновь погрузятся в ожидание какого-нибудь мало-мальски значимого события. Тоска, да и только!

ДОРОТИ. Что это с тобой, Николь?

РЭЙ. Не обращай внимания, Дороти. Она просто не выпалась. К тому же, нахлебалась холодного кофе, и теперь бросается на всех подряд.

ДОРОТИ. Бедненькая моя девочка! Сейчас я принесу горячий кофе.

НИКОЛЬ. Если не трудно, принеси его в мою комнату. Хочу немного отдохнуть, перед тем, как отец, когда вернется, поведает нам все подробности о казни.

ДОРОТИ. Конечно, милая. Кофе я тебе сейчас принесу. А вот на счет подробностей сегодняшней казни, думаю, особо надеяться нечего. Вряд ли мистер Джулиус разродится по этому поводу более чем тремя словами. И я даже могу озвучить сии слова. Казнь прошла успешно.

НИКОЛЬ. Что ж, возможно ты права.

Николь удаляется к себе в комнату.

РЭЙ (обращаясь к Дороти). И мне, будь любезна, тоже принеси кофе. Я буду у себя.

Из гостиной все уходят.

Прошло несколько часов. В гостиной сидят Рэй и Николь. Николь подпиливает свои коготки, а Рэй теребит в руках колоду игральных карт, пытаясь занять себя некоторыми карточными фокусами, которые он с горем пополам когда-то выучил. Заходит миссис Престон.

АМАНДА. Ну что, мои птенчики, ждете от мистера Престона подробностей?

НИКОЛЬ. Нет, мама, не ждем. Твои птенчики просто соблюдают традиционные законы приличия. Сейчас зайдет наш папочка, пробурчит несколько слов, что-то вроде: «Казнь прошла удачно», и на этом данный вопрос будет исчерпан. Мы сделаем вид, что полностью удовлетворены его ответом, после чего каждый займется своими делами. Мне, например, надо в парикмахерскую. Хочу сделать прическу в стиле: не пугайся меня, есть и пострашнее.

Заходит Джулиус Престон.

ДЖУЛИУС (застегивая ворот рубашки). Вот, совсем другое дело. Теперь я чувствую себя человеком. Казалось бы, всего-навсего передел рубашку; а какое блаженство! Впрочем, душ тоже внес определенную лепту. Три часа просидеть в этой парилке с неработающим кондиционером! И куда только идут деньги налогоплательщиков?! (он замолкает и оглядывает гостиную; несколько смущается от осознания того, что выразил вслух некоторые нюансы, которые вполне могли бы и не слетать с языка, а крутились бы себе в голове и не тревожили бы напрасно чужой слух) Вижу, все в сборе. В таком случае позвольте сообщить, что казнь прошла успешно. Вас ведь именно это, насколько я понимаю, интересует в первую очередь.

РЭЙ. Спасибо тебе папа за такое краткое и, самое главное, такое полное сообщение. Добавить практически нечего!

НИКОЛЬ. Разве только, задать еще несколько вопросов. Можно?

ДЖУЛИУС. Увы, моя дорогая, но по поводу казни я уже все сказал. А на твои вопросы очень скоро ответит наша неудержимая пресса. И на те, которые возникли и еще возникнут в твоей прелестной головке, и на те, которые у тебя никогда бы и не возникли. И давайте-ка на этом поставим точку. Я не хочу, чтобы в моем доме обсуждались подобные дела.

АМАНДА. Хорошо, дорогой. Ты только не волнуйся.

ДЖУЛИУС. А я и не волнуюсь. С чего ты взяла? Наоборот, у меня сейчас отличное настроение (кашляет). Ну, не то что отличное, после недавнего зрелища такое вряд ли возможно, а... Просто приподнятое. По-дороге я встретил почтальона, и он вручил мне телеграмму. Приезжает Элиза.

АМАНДА (всплеснув руками). Как, наша крошка Элиза?!

ДЖУЛИУС. Ну, этой крошке, как-никак, уже девятнадцать лет.

НИКОЛЬ (не очень восхищаясь этим событием). И как долго она собирается гостить у нас?

ДЖУЛИУС. Приблизительно неделю. У нее сейчас каникулы.

РЭЙ. Насколько я помню, она собиралась поступать на юридический.

ДЖУЛИУС. Именно на юридическом она и учится.

НИКОЛЬ. И ты, папочка, от этого конечно просто в восторге!

ДЖУЛИУС. Не спорю, это мне по душе. Мне приятно, что хотя бы моя племянница унаследовала наши семейные традиции.

РЭЙ. Конечно, пресловутые семейные традиции! Куда ни капни под наше генеалогическое дерево, тут же наткнешься на адвоката, прокурора или судью.

НИКОЛЬ. Интересно, а преступники в нашем роду были, а пап?

АМАНДА. Ну как ты можешь такое спрашивать, Николь! Не обращай внимания, Джулиус. У девочки просто чрезмерно бурная фантазия.

ДЖУЛИУС. Да, фантазия у нашей девочки действительно впечатляющая. Именно эта фантазия и подсказала ей, устроиться секретаршей в реабилитационный центр анонимных алкоголиков. Однако должен тебя огорчить, моя милая. Преступников в нашем роду никогда не было, и, надеюсь, никогда не будет. Но если такое случится на моем веку, то, как бы это ни шло в противоречие с законом, я лично пристрелю негодника из своего наградного пистолета.

РЭЙ. А почему только негодника, пап? А если это будет негодница?

АМАНДА. Рэй, мальчик мой, ну что ты такое говоришь!

ДЖУЛИУС (успокаивая жену). Не волнуйся, дорогая, это всего лишь диспут старшего поколения с младшим. А тебе, наш мальчик, скажу так: будь то негодник или негодница, а расплата от моей руки последует одинаковая (и уже переведя разговор в несколько шутливую тональность, добавляет). Разве что негодницу, перед тем как пристрелить, следовало бы еще хорошенько выпороть.

АМАНДА (возмущенно). Дорогой, ну это уже ни в какой диспут не влезает! Как можно так разговаривать со своими детьми?! И вообще... Я вот сейчас подумала. А если бы этой... негодницей... оказалась бы я... Ты меня тоже бы выпорол?

ДЖУЛИУС (улыбаясь). Ну как ты можешь, дорогая, так скверно обо мне думать. Тебя пороть!.. Просто пристрелил бы, что б не мучалась, и все дела.

АМАНДА (понимая, что это шутка, наигранно надувает губы). Фу! Старый невоспитанный плебей!

РЭЙ (обращаясь к отцу). И все-таки, почему ты так уверен, что в нашем роду никогда не было преступников? Разве в каменном веке люди не истребляли друг друга за кусок мяса какого-нибудь ископаемого животного? Я конечно далек от мысли, что в те далекие времена убийства происходили из-за женщины. Последняя не многим отличалась от мужчины. Ни тебе маникюрных залов, ни фитнес-центров, ни сапожек из шкуры мамонта на высоком каблуке. В общем, никакой привлекательности. А вот пища всегда была самым актуальным моментом. И какой-нибудь наш древний предок вполне мог за язык дикого буйвола, наверняка считающегося тогда самым лакомым деликатесом, отправить своего соплеменника на тот свет. Возможно же такое?

ДЖУЛИУС. Конечно возможно. Но ты упустил из виду один нюанс. Такие отношения между собой в древнем доисторическом обществе, которые ты только что так красочно описал, а я уверен, что подобное там имело место быть, само по себе являлось общепринятым, то есть узаконенным фактором. Узаконенным этим самым обществом. Они отнюдь не считали, что это неправильно. Возможно даже, что это воспринималось как, своего рода, проявление героизма, отваги. А раз то или иное действие несет в себе законный характер, то оно никоим образом не может характеризоваться как преступление.

Появляется домработница.

ДОРОТИ. Там прибыла молодая особа с огромным чемоданом, и утверждает, что она ваша родственница. Некая мисс Элиза. И очень удивлена, что я не осведомлена о ее приезде.

ДЖУЛИУС. Ой, это сугубо моя вина! Я совсем забыл, что уже неделю у нас курирует экспресс. Я ждал прибытие Элизы только с вечерним поездом. Дороти, пожалуйста, проводите девушку к нам, и позаботьтесь о ее багаже.

ДОРОТИ. Слушаюсь, сэр (уходит).

АМАНДА. Боже мой! Сейчас я увижу нашу крошку! Нашу очаровательную Элизу! Сколько уже прошло, когда мы видели ее в последний раз?

НИКОЛЬ. Кажется, лет восемь.

РЭЙ. Или девять.

ДЖУЛИУС (уверенно). Десять с половиной. Тогда, как раз, шел процесс над Нэйлом Коллинзом.

РЭЙ. Да-да, я помню! Это по поводу ограбления церкви. Выкрал две иконы. Одну тут же продал. На радостях отметил это дело. Да так отметил, что очнулся на следующее утро, абсолютно ничего не помня. Лишь одна мысль присутствовала в голове: как поправить здоровье. В углу, среди пустых бутылок, валялась нереализованная еще икона. На мысленный вопрос, откуда она взялась, его память отвечать отказалась. Да он особенно и не утруждал себя в этом плане. И тут подсознание подсказало ему логический шаг. Он схватил икону и помчался в церковь, с целью загнать ее священнику. А там уже с распростертыми объятиями его встретила полиция.

НИКОЛЬ. Да нет же! Это было значительно позже. А тогда рассматривалось дело брачного афериста. Этого самого... Коллинза.

ДЖУЛИУС. Нет-нет, дети мои, вы оба попали, как говорится, пальцем в... это... как его... в небо. Нэйл Коллинз был осужден за то, что у себя в сарае, где он прятал денежную заначку, поставил волчий капкан, в который угодила его ненаглядная теща. В итоге, теща стала хромой, а любимый зятек получил три года.

АМАНДА. Да-да, я прекрасно помню этот процесс. Она еще запустила в него костылем прямо в зале суда.

В гостиную буквально залетает Элиза. С первого взгляда заметна ее веселость и необузданная энергия.

ЭЛИЗА (подлетая к Аманде и чуть ли не прыгая ей на шею). Здравствуйте, дорогая моя тетушка Аманда! (целует ее в щеку, после чего с той же энергией набрасывается на Джулиуса) Здравствуй, дорогой дядюшка Джулиус! (подбегает к Николь, но та выставляет вперед руки, как бы обозначая знак «стоп»; Элиза останавливается, чуть не споткнувшись, словно перед ней возникла стена) Привет, Николь! (поворачивается к Рэю, машет ему рукой) Привет, Рэй!

Короткая пауза. Все Престоны переваривают только что пронесшийся ураган в образе Элизы. Наконец первой в себя приходит Аманда.

АМАНДА. Элиза, девочка моя, как же я рада тебя видеть!

ДЖУЛИУС. Добро пожаловать в нашу скромную обитель. Ты, наверно, устала с дороги? Дороти покажет тебе твою комнату (зовет домработницу; та тут же появляется). Дороти, проводи нашу гостью.

АМАНДА. Джулиус, о какой гостье ты говоришь?! О нашей Элизе?!

ДЖУЛИУС (несколько смущенно). Да, действительно. Что-то я сегодня не в своей тарелке.

АМАНДА. И это не удивительно, дорогой. После такого напряженного утра в тюрьме!

ЭЛИЗА. Ой, дядюшка Джулиус, вы мне расскажете о казни? Мне так хочется узнать все подробности!

НИКОЛЬ (с сарказмом). А как же, милочка. Дядюшка Джулиус изложит во всех подробностях все детали прошедшей казни. Не так ли, господин судья?

ДЖУЛИУС (не в силах отказать любимой племяннице, как бы сдавая свои принципиальные позиции). Ну, разумеется (и тут же подчеркнул аргумент, заставивший его на это согласиться; подчеркнул не так для окружающих, как для самого себя; для самооправдания). Ты ведь будущий юрист, и тебе наверняка будет поучительно послушать.

ЭЛИЗА (подпрыгивая от радости и хлопая в ладоши). Как здорово! И вообще мне хотелось бы проанализировать весь процесс над Солом Митчеллом!

РЭЙ (с тем же скрытым сарказмом, что и сестра). Никаких проблем! Твой дядюшка нынче на редкость общительный в этом вопросе.

ДЖУЛИУС (обращаясь к Элизе и чувствуя себя загнанным в тупик). Разумеется, дитя мое, мы обсудим все детали этого дела. Но чуть позже. А сейчас, Дороти, отведи Элизу в ее комнату. Мне тоже следует немного привести себя в порядок.

ДОРОТИ (обращаясь к Элизе). Прошу вас следовать за мной, мисс.

Домработница и Элиза уходят.

НИКОЛЬ. Пойду, пожалуй, и я отдохну. Подготовлюсь, раз уж появилась возможность услышать, все-таки, подробности сегодняшней казни. Надеюсь, папочка, ты не будешь возражать против моего присутствия?!

РЭЙ. И я тоже присоединяюсь к Николь!

АМАНДА. Птенчики мои, ну как вы можете думать что-либо подобное! Джулиус, успокой детей. Пообещай, что мы соберемся всей семьей. И мне, кстати, тоже очень интересно было бы поприсутствовать.

ДЖУЛИУС. Ну, о чем речь! Разумеется, вечернее, так сказать, судебное заседание будет проходить в полном составе. Дорогая, ты не поможешь мне найти мои любимые тапочки? А то я впрыгнул в первые попавшиеся, и что-то в них как-то неудобно.

АМАНДА. Конечно, милый. Идем.

Джулиус и Аманда уходят.

НИКОЛЬ. И как тебе наша родственница?

РЭЙ. Довольно симпатичная и энергичная. Я помню, в детстве она была абсолютно не такая. Стеснительная, и совсем некрасивая.

НИКОЛЬ. А по мне, так ничего особенного в ней нет. Обыкновенная выскочка.

РЭЙ. Да ты ее просто ревнуешь! Тебя коробит, что отец, ради нее, попустился своими принципами. Как она его сразу же взяла в оборот! Да и внешне, как по мне, Элиза превосходит тебя.

НИКОЛЬ. Пошел к черту! Ты просто хочешь меня позлить! Тебе всегда доставляло огромное удовольствие поиздеваться надо мной! Она красивее меня! Ха-ха! Я не могу! Пигалица! А ноги у нее какие?!

РЭЙ. Стройные и обворожительные.

НИКОЛЬ. Как бы не так! Кривые, волосатые... И вообще, она уродина!..

РЭЙ (заливаясь смехом). Ха-ха! Ох уж эти женщины! Ну что же вы такие непримиримые, когда речь заходит о внешности? Почему каждая из вас старается выглядеть лучше всех? Что за патология такая?! И по каким стандартам определяется красота? Ведь если мне нравится девушка, я же не расчленяю ее мысленно! Это нога, это рука, это грудь. Рука, вроде, ничего. Нога... тоже, вроде, сойдет. Грудь... Какой лучше всего размер? Третий, четвертый, пятый? А кто-то предпочитает второй, или первый. Какой там еще есть, нулевой? А как на счет минус первого? Хотя, это уже наверняка перебор. Возможно в далеком будущем красотками будут считаться плоские стиральные доски, с колесообразными ногами, для удобства передвижения по пересеченной местности, и корявыми цепкими пальчиками, чтобы хватать зазевавшегося мужчину, ненароком вылезшего из своей норы подышать свежим воздухом. А рост?! Какой самый оптимальный? Попробуй определи, когда она сегодня на одних каблуках, завтра на других, а послезавтра вообще... витает в облаках и метит в тебя амурные стрелы, стараясь попасть прямо в голову, потому как мужчина раненый в голову намного податливей, чем раненый в сердце. Такого просто бери голыми руками и лепи из него куклу для прихоти.

А эти вечные женские инсинуации! Слезы, обмороки, интриги. Сколько же нас, мужиков, раненых на голову, попало в эти расставленные сети?! И если для охоты на животных существуют определенные сезоны, когда можно на них охотиться, а когда, увы, приходится придержать свой охотничий азарт, то на нас, мужчин, охота ведется постоянно, без праздников, выходных, и прочей передышки. Загоняете нас до потери пульса, а потом еще требуете, чтобы мы носили вас на руках. А попробуй, понеси ее, если она весит центнер с лишком! Почему центнер? Да потому, что не всем нравятся «невидимки». Иному хочется за что-то и подержаться. Поэтому... (пауза; Рэй смотрит куда-то в одну точку; затем удивленно почесывает в затылке) Эко меня занесло! Николь, ты случайно не подскажешь, что это из меня только что выплеснулось?

НИКОЛЬ. С удовольствием подскажу. Раненый на голову бред.

РЭЙ. Да мне тоже так кажется. Надо пойти, принять лекарство, грамм двести.

Рэй уходит.

НИКОЛЬ (оставшись одна). Странно. Эта девчонка, Элиза, почему-то меня пугает... Или мне это только кажется?.. Нет, я чувствую... От нее веет проблемами... Впрочем, от кого, в наше время, не веет проблемами?! Возьмем, к примеру, отца. Какое бы окончательное судебное решение он не принял, всегда найдется недовольный, считающий себя обманутым, оскорбленным, и тому подобное. Помню, как-то был процесс над одним молодым человеком, который украл у своей соседки, престарелой уже старухи, вставную челюсть, а вместо нее подложил другую, вылепленную из хлеба. Старушка, ни о чем не подозревая, решила полакомиться творожком. Вставила бутафорную хлебную челюсть, и вместе с творожком эту челюсть и съела. Сердечный приступ был естественной реакцией на сие нестандартное событие. Бедную женщину откачали уже в больнице. На суде выяснилось, что челюсть, всего-навсего, временно одолжили. Она должна была сыграть в самодеятельном молодежном спектакле главную роль. На вопрос, почему же просто не задействовать было в спектакле как раз бутафорскую челюсть, обвиняемый ответил, что реалистичность их театральных постановок в том и заключается,

что соблюдается натурализм даже в самых мелких деталях. А уж относительно такого главного действующего атрибута, как вставная челюсть, тем паче.

Приговор удовлетворил обе стороны. Старушка получила новый качественный протез, денежную компенсацию за моральный и, в некотором роде, физический ущерб, а виновный отделался, помимо финансовой выплаты, изъятой у него из гонорара за все тот же злосчастный спектакль, двумя неделями опекунов над потерпевшей. Сгонять за продуктами, убрать в квартире, ну и составить вечерами компанию в игре в бридж. Очень уж любила старая кошелка эту игру. Казалось бы, все довольны. Но нет. Обиженным, как это ни странно, оказался не кто иной, как зубной техник. Мало того, что ему в авральном режиме пришлось всю ночь корпеть над изготовлением искусственных зубов, чтобы успеть к утреннему судебному заседанию, потому как пострадавшая не могла, по известным причинам, внятно и понятно отвечать на вопросы, так еще за свою работу он не получил ни гроша. Суд вынес ему благодарность за патриотическую гражданскую позицию, связанную с бескорыстной помощью, и на этом дело и кончилось. Так что...

Николь махнула рукой, и медленно, в задумчивости, покинула гостиную.
Прошло какое-то время. В гостиной Джулиус, Николь и Рэй.

РЭЙ. Однако, где же наша очаровательная Элиза?

ДЖУЛИУС. Я уже попросил Дороти разыскать ее. Наверняка девочка прогуливается где-то возле дома. Сейчас появится.

НИКОЛЬ. А вам не кажется это смешным? Сидим и ждем какую-то взбалмошную особу, как будто без нее нам и поговорить не о чем!

РЭЙ. Поговорить, разумеется, мы можем о чем угодно, но тебя ведь, любимая сестричка, интересует сейчас только одна тема. А ее-то, как раз, без присутствия Элизы мы не можем начать. Я прав, папа?

ДЖУЛИУС. Совершенно верно, мой мальчик. Не будь Элизы, я ни за что не согласился бы на разговоры о сегодняшней казни и связанному с ней процессу. Но Элиза – будущий юрист, и я, как ее близкий родственник, считаю своим долгом поделиться опытом и помочь ей как можно ярче представить себе тот тернистый и ответственный путь, на который она, в скором времени, ступит как самостоятельный правозащитник. А вы, мои дорогие продолжатели рода Престонов, должны поблагодарить своего любимого отца, за то, что он не против вашего здесь присутствия.

НИКОЛЬ (с видом явного одолжения). Спасибо, папа!

ДЖУЛИУС. Всегда пожалуйста, доченька!

РЭЙ. Наверно, мне тоже следует выразить свою благодарность.

ДЖУЛИУС. Только если это не затрагивает твое самолюбие.

РЭЙ. Ну что ты, папа! Свое самолюбие я не растрачиваю по пустякам. Впереди еще, надеюсь, целая жизнь, и заниматься расточительством внутреннего потенциала – считаю сверхлегкомысленным. Что же, в таком случае, останется от моего самолюбия лет, этак, в шестьдесят?!

ДЖУЛИУС. Очень разумные слова, мой мальчик. Иногда мне кажется, что я недооцениваю тебя.

РЭЙ. Ты такого низкого мнения о своем сыне?

ДЖУЛИУС. Почему низкого! Просто оценка человека по отношению к другому человеку в принципе не может носить в себе стопроцентную объективность. Такова уж природа мыслящих биологических существ, то есть нас, людей. И вполне закономерно, что и я, порой, меняю свое мнение в отношении того или иного индивидуума. В данном случае это касается тебя.

РЭЙ. Что ж, польщен. Глядишь, доживу до того момента, когда ты, мой уважаемый родитель, не будешь столь критичен в том, какой образ жизни я веду.

НИКОЛЬ (с сарказмом). Вполне возможно, что и доживешь. Если к тому времени твой образ жизни будет того заслуживать. Сейчас же об этом можно только мечтать. Верно, папа?

ДЖУЛИУС. Хочу заметить, Николь, что ты, в своих моральных и житейских принципах, ненамного отличаешься от своего брата. И вам, дети мои, следует хорошенько задуматься на этот счет. А мне остается лишь уповать на силы небесные, которые могут еще вдохнуть в вас осмысление сущности бытия, потому как заниматься вашим воспитанием мне уже поздно.

НИКОЛЬ. Спасибо, папочка, за такой оптимизм. Хотя и высказал ты его с явным пессимистическим оттенком.

Заходит Аманда.

АМАНДА. Уже все собрались! Я не опоздала? Ничего еще не успела пропустить?

НИКОЛЬ. Нет, мамочка, ты ничего не успела пропустить, потому как собрались мы еще не все. Не хватает главного лица, без которого начать никак нельзя. Как ты, наверняка, уже догадалась, это наша обожаемая Элиза.

Наконец в гостиную залетает Элиза.

ЭЛИЗА. Ой, простите! Дороти сказала, что уже все собрались и ждут только меня. Я гуляла по саду и так размечталась! Он у вас такой красивый! Кто за ним присматривает?

ДЖУЛИУС. Наш садовник, Грэхем. Но сейчас его нет. Взял отпуск на несколько дней; у его дочери нынче свадьба.

ЭЛИЗА. Как я хочу с ним пообщаться! У меня родились такие идеи! Около калитки явно не хватает гладиолусов. А вокруг беседки прекрасно смотрелись бы хризантемы. Но, я, кажется, слишком разболталась. Дядюшка Джулиус, я вся внимание!

ДЖУЛИУС. Однако с чего же мне начать?

ЭЛИЗА. Если можно, мне хотелось бы услышать все с самого начала. Я, конечно же, кое-что читала об этом процессе, но услышать непосредственно из ваших уст, дорогой дядюшка, все нюансы этого дела, было бы для меня просто замечательно.

ДЖУЛИУС. Хорошо. Попробую. Итак, некий молодой человек, Сол Митчелл, решил ограбить один частный ювелирный магазинчик. Легкая нажива во все времена прельщала определенный контингент, не желающий трудиться на благо общества. Вот и наш так называемый герой не преминул воспользоваться случаем, узнав, что ночью в магазине никого не будет, так как ювелир с женой отправились на уик-энд, доверив свой бизнес надежной, как они считали, системе сигнализации. Митчелл без труда проник во внутрь, не особенно удивившись, почему же сигнализация не была включена. Очевидно, он решил, что ювелир, уезжая, просто забыл это сделать. Но все оказалось совсем по-другому. Юджин Фах и его супруга Молли по каким-то причинам отменили свою поездку и находились в это время у себя в спальне. Услышав подозрительный шум внизу, ювелир спустился посмотреть, что бы это могло быть, и столкнулся нос к носу с грабителем. Последний растерялся, запаниковал, и ударил появившегося внезапно хозяина первым, что попало под руку, массивным бронзовым канделябром. В следующее мгновение Юджин Фах упал замертво. Сверху послышался голос жены, спрашивающий у мужа, что там за шум. Перед преступником встала дилемма: либо удирать, пока хозяйка его не увидела, но тогда он останется ни с чем и убийство получится совершенно напрасным, либо, раз уж так повернулось, совершить еще одно убийство и уйти, все-таки, не с пустыми руками, обеспечив себя на всю оставшуюся жизнь. Последний аргумент оказался явно сильнее. А тут еще появилась Молли, и дилемма решила сама собой. Женщина в ужасе бросилась убегать, Митчелл за ней. Догнал, и уже хладнокровно, войдя во вкус, как хищник, попробовавший первой крови, избил Молли Фах до полусмерти, а затем задушил при помощи полотенца. На обратном пути, спускаясь по лестнице в торговый зал магазина, Сол поскользнулся на одном из свежих еще кровавых пятен, упал, ударился затылком о ступеньки, и в итоге потерял сознание. В этом бессознательном состоянии его и обнаружила полиция, явившаяся на место преступления благодаря телефонному звонку случайного прохожего, заглянувшего в темные окна и заподозрившего, что внутри происходит что-то неладное. Позвонивший, как это часто бывает в подобных случаях,

пожелал остаться неизвестным... Вот, в принципе, что касается самого преступления. Мотивы, факты, доказательства – все на лицо. Теперь, относительно казни.

НИКОЛЬ (до этого сидевшая безразлично, но тут вдруг оживившись). Да-да, именно! А то всю эту историю, слово в слово, мы уже слышали тысячу раз!

АМАНДА. Николь, девочка моя, не будь такой ханжой. Элиза ведь не знала всех этих подробностей. И ей наверняка было очень интересно послушать. Да и от нас не убудет, если мы лишний раз прокрутим в голове картину этого жуткого преступления.

РЭЙ. Ты совершенно права, мама. Мне, например, интересно было вновь мысленно представить себе все это. Однако я, как и Николь, как ты, мама, и, уверен, Элиза тоже, с нетерпением ждем подробностей заключительного акта этой драмы – казни.

ДЖУЛИУС (видя, что Элиза как-то нетерпеливо ерзает в кресле). Элиза, мне кажется, ты желаешь кое-что уточнить по поводу услышанного. Так?

ЭЛИЗА. Совершенно верно, дядюшка! Но, я не знаю, удобно ли заставлять ждать присутствующих! Насколько я понимаю, всех сейчас интересует, главным образом, детальное исполнение смертного приговора.

НИКОЛЬ. А тебя, разве, не интересует?

ЭЛИЗА. Абсолютно! Мало того, я считаю, что присутствовать на подобном зрелище, просто аморально!

ДЖУЛИУС. Ты совершенно права, девочка! Будь моя воля, я бы запретил сие развлекательное шоу; но, к сожалению, это не в моей власти. И находился я там сегодня только потому, что просто был обязан присутствовать по долгу службы. Зато мои милые дети буквально прохода мне не давали, уговаривая позволить им своими глазами увидеть, как поджаривают человека на электрическом стуле.

НИКОЛЬ. На что ты дал категорический отказ, считая, что это пойдет нам только на пользу. Хотя сам до этого неоднократно утверждал, что лишь убедившись воочию, можно принять самое верное решение в оценке моральных критериев.

РЭЙ. Действительно, отец! Я полностью поддерживаю Николь! Мы бы своими глазами увидели казнь на электрическом стуле, и кто знает, может быть наш моральный потенциал тогда несколько бы повысился.

ДЖУЛИУС. Не уверен, судя по тому, как у вас горели глаза, когда вы приставали ко мне, умоляя взять вас с собой на казнь. А посему, думаю, будет абсолютно правильным оставить ваше любопытство в этом вопросе неудовлетворенным.

НИКОЛЬ. Другими словами, папочка, из твоих уст мы не услышим подробного рассказа о последних минутах жизни Сола Митчелла. Так надо понимать?

ДЖУЛИУС. Ни подробного, никакого. Достаточно будет и того, что опубликуют завтра в прессе.

РЭЙ. А наша пресса, как обычно, придерживаясь этических принципов, изложит сие мероприятие в краткой сухой форме, из которой не прочувствуешь ни атмосферы, в самый ответственный момент, ни эмоциональных приоритетов.

АМАНДА. Успокойтесь, дети. Отец знает, что делает. И если он считает, что так для вас будет лучше, то нужно с этим согласиться и не спорить.

НИКОЛЬ. Ты права, мамочка. Никто уже не спорит. Жаль, только, напрасно потраченного времени.

АМАНДА. Как ты можешь! Побывать с семьей, это для тебя напрасно потраченное время?!

НИКОЛЬ. Нет, что ты, мамочка! Я совсем не то имела в виду! Просто папочка обещал, а теперь пошел на попятную. Очень уж это, в воспитательном плане, непедагогично. Какой пример для своих детей!

ДЖУЛИУС. Непедагогично было, когда я, вместо того, чтобы выпороть тебя хорошенько, когда ты в пятнадцать лет сбежала с рокером и где-то пропадала две недели, лишь слегка пожурил наивную обманутую девочку, как утверждала наша сердобольная мама. Глядишь, что-то бы более путное и получилось.

АМАНДА. Дорогой, как тебе не стыдно! Николь выросла хорошей порядочной девушкой. И я уверена, что в будущем ты сам в этом убедишься.

ДЖУЛИУС. Очень хотелось бы в это верить. А что относительно обещания поделиться своими впечатлениями о казни, так это обещание я давал непосредственно

Элизе. Но она, в итоге, не выразила особого энтузиазма в этом вопросе, а потому тема закрыта.

НИКОЛЬ. Что ж, спасибо мои любимые родители за добрые слова, и такие же добрые пожелания. Однако, с вашего разрешения, позвольте мне покинуть сие собрание и удалиться к себе, потому как ничего интересного, как я понимаю, на сегодня больше не предвидится.

РЭЙ. А я остаюсь. Ведь, если не ошибаюсь, тема закрыта только в отношении самой казни. А вот дискуссию между прошедшим огнем и водой в области юриспруденции судьей, нашим глубокоуважаемым отцом, и начинающим юристом, нашей юной родственницей, очаровательной Элизой, мне, признаться, не терпится понаблюдать со стороны. А может даже, чем черт не шутит, и поучаствовать.

ЭЛИЗА. Ну, я еще не юрист, и даже не начинающий; будущий, это будет точнее. А по поводу дискуссии... Какая же может быть дискуссия с дядюшкой Джулиусом! Со мной, практически еще ничего не понимающей в этом! Единственное на что я могу отважиться, так это задать, всего-навсего, несколько вопросов.

АМАНДА. Элиза, девочка моя, ну что ты такое говоришь! Джулиус с огромным удовольствием поговорит с тобой обо всем, о чем ты только захочешь. И разумеется, об этом последнем процессе в первую очередь! Не правда ли, дорогой?

ДЖУЛИУС. Ты совершенно права, мой ангел! В кои-то веки в кругу семьи мне выпала возможность, и даже, не побоюсь этого слова, честь, подискутировать в вопросах права с равным мне оппонентом!

ЭЛИЗА (смущенно). Но, дядюшка!..

ДЖУЛИУС. Не спорь, Элиза, это правда. Я вижу в тебе огромный потенциал, дитя мое. И уверен, что очень скоро ты станешь выдающимся адвокатом.

РЭЙ. А почему именно адвокатом? Может Элизе ближе к сердцу выступать в качестве прокурора! Требовать для преступника максимально заслуженного наказания.

ДЖУЛИУС. Потому что прокурор из нее не получится. Вернее, не получится хороший прокурор, настоящий. А вот как раз адвокат из нее выйдет, как я уже сказал, выдающийся. Уж поверьте, за столько лет я научился разбираться в этом. Будь Элиза склонна к роли обвинения, она несколько иначе бы реагировала. У нее возникли вопросы, стало быть, возникли сомнения. А разве могут у правозащитника с прокурорскими наклонностями возникнуть сомнения по поводу смертной казни?! У него могут возникнуть только комментарии, но никак не вопросы. А потому Элиза, дитя мое, я готов удовлетворить твое любопытство и ответить, в рамках своей компетентности и информативности, на все твои вопросы.

ЭЛИЗА. Я, право, так смущена. Вы меня совсем выбили из колеи. Я не знаю, как реагировать на все это! Такое ощущение, что я сейчас нахожусь в зале суда, и мне предстоит осуществлять защиту, после того, как приговор уже вынесен.

РЭЙ. Не только вынесен, но уже и исполнен.

ЭЛИЗА (с явной грустью в голосе). Да, и уже исполнен.

НИКОЛЬ (так и не покинув гостиную, потому как разговор ее начал потихоньку заинтриговывать, и в конце заинтриговал полностью). В таком случае, с вашего разрешения, я тоже останусь. Не скрою, интерес, в некоторой степени, вы во мне возбудили. Надеюсь, не пожалео (возвращается на свое место).

ДЖУЛИУС. Ну, Элиза, дитя мое, я слушаю. Каков будет твой первый вопрос?

ЭЛИЗА (удобнее устроившись в кресле). Перво-наперво мне хотелось бы узнать, как объяснил Сол Митчелл, каким образом он оказался на месте преступления. Ведь, как я понимаю, он так и не признался в убийстве, иначе, исходя из закона, максимально, что ему грозило, так это пожизненное заключение, но отнюдь не смертная казнь.

РЭЙ. А чем, собственно, пожизненное заключение лучше? Та же смерть, только растянута на долгие мучительные годы.

ЭЛИЗА. Пожизненное заключение лучше хотя бы тем, что, во-первых, всегда есть надежда когда-нибудь выйти на свободу, если комиссия решит, что субъект не представляет больше опасности для общества, а во-вторых, при определенных обстоятельствах приговор всегда можно пересмотреть. Естественно, если перед этим добиться нового расследования, которое и обнаружит ошибки предыдущего. А в случае

смертной казни, то бишь уже после таковой, все это сделать уже не представляется возможным.

ДЖУЛИУС. Почему же! Вся эта процедура вполне возможна даже после исполнения смертного приговора. Другое дело что казненный, в силу естественных причин, не сможет продолжать свою жизнь на свободе. Зато он будет посмертно реабилитирован, и на чести его семьи, если таковая у него имеется, не будет лежать пятно преступления.

АМАНДА (обращаясь к Джулиусу). Ты хочешь сказать, что возможно Сол Митчелл мог быть казнен несправедливо? Но ведь это же ужасно!

ЭЛИЗА. Дядюшка хочет сказать, дорогая тетушка, что правосудие не так идеально, как того хотелось бы, и порой совершает ошибки.

ДЖУЛИУС. К сожалению это так. Однако в случае с Митчеллом я не вижу ниточки, за которую можно было бы потянуть и раскрутить, в итоге, судебную ошибку. Ты, дитя мое, спрашиваешь, как объяснил подозреваемый, каким образом он оказался на месте преступления. Да никак не объяснил. Ничего, говорит, не помню, ничего не знаю. При падении он очень уж серьезно ударился головой. Медики это подтвердили. Получил сотрясения мозга. Но потом, все же, он начал давать какие-то сбивчивые показания, которые все время противоречили друг другу. А в один прекрасный момент просто замолчал, полностью замкнулся в себе, и больше так и не вымолвил ни единого слова до самого конца. И даже при оглашении приговора на его лице не отразилось ничего. Во всяком случае, я не заметил никаких эмоций.

РЭЙ. Разумеется. Когда он понял, что выкрутиться не удастся, он просто решил молчать, надеясь, что его примут за невменяемого, и таким образом он станет неподсудным.

ЭЛИЗА. Особенно комфортно ему было молчать, когда оглашали смертный приговор. Так, что ли? Нет, тут что-то совсем другое.

НИКОЛЬ. Да что тут думать! Парню просто на все было наплевать! Жизнью своей он не дорожил. Бедность его доконала. Он решился на преступление. Мол, будь что будет! Или сразу разбогатеть, и жить по-человечески, или тогда и жить незачем. Разбогатеть не удалось, а потому и цепляться за жизнь, к тому же проведенную в тюрьме, ему показалось бессмысленным.

ДЖУЛИУС. Честно говоря, у меня тоже промелькнула, было, подобная мысль. Скажу даже больше: эта мысль показалась мне единственно верной.

НИКОЛЬ. Спасибо, папочка! Отрадно слышать из твоих уст, что наши мнения иногда совпадают. Может мне тоже податься на юридический?!

ДЖУЛИУС. Побойся Бога, Николь! Наша юриспруденция и так далеко не совершенна, а ты еще хочешь развалить ее полностью!

НИКОЛЬ (надув губки). Что ж, еще раз спасибо тебе, папочка! Ты всегда отличался галантностью в отношении меня.

АМАНДА (обращаясь к Николь). Не обижайся, девочка моя. Отец лишь указал на тот факт, что у каждого свое призвание в этой жизни. И не стоит заниматься тем, к чему не лежит ни душа, ни сердце.

ДЖУЛИУС. Благодарю тебя, дорогая! Именно это я и имел в виду. Элиза, дитя мое, ты удовлетворена ответом на свой вопрос?

ЭЛИЗА. Ни в коей мере, дядюшка! Я, разумеется, не знала Сола Митчелла лично, однако глубоко убеждена, что его молчание исходило совсем из иных причин.

РЭЙ. Интересно! Тогда, может быть, уважаемая леди адвокат выдаст свою версию? Мы с огромным вниманием ее послушаем.

ЭЛИЗА. Нет у меня никакой версии. Но просто странно как-то! Сол Митчелл идет грабить ювелирный магазин. У него нет с собой ни оружия, ни обыкновенного кухонного ножа. Он не собирается никого убивать. Он знает, что в магазине никого нет. Пробирается внутрь и совсем не удивлен, что объект не поставлен на сигнализацию. Что бы сделал опытный преступник?! Если это обыкновенный вор, которому претит убийство (в своей среде они называют себя честными ворами), то он тут же покинет место преступления, сообразив, что хозяева дома, а значит, ограбление на данный момент откладывается. Но если это мокрушник, то бишь убийца, то первым делом он обследует жилые помещения,

и, обнаружив ювелира с женой, тихо их прикончит. А что мы наблюдаем тут?! Митчелл ведет себя как обыкновенный дилетант. Его совсем не удивляет, что так просто залезть в ювелирный магазин; он спокойно себе шныряет по всем закуткам, и, в общем-то, ведет себя как мамонт в древней посудной лавке.

РЭЙ. Почему именно мамонт, а не слон?

ЭЛИЗА. Потому что во времена мамонтов посуда не была глиняной или фарфоровой; она была каменной или железной, потому не билась; но зато шума от нее было никак не меньше.

НИКОЛЬ. Что-то я не припомню, чтобы в каменном веке вообще была какая-то посуда.

ДЖУЛИУС. Элиза, дитя мое, не отвлекайся. Развивай дальше свою версию.

ЭЛИЗА. Это не версия, дядюшка, это всего лишь констатация неких несоответствий в данном криминальном деле. Несоответствий чисто абстрактного характера, но, тем не менее, они существуют, и я не могу их не замечать. Так вот. Хозяин слышит шум и выходит из спальни. Митчелл в панике хватает канделябр и раскраивает им череп Юджину Фаху. Но тут, оказывается, есть еще его жена, Молли, которая, почему-то, не кричит, не зовет на помощь, ибо никто из соседей не слышал этого, судя по вашему рассказу, дядюшка, не так ли?

ДЖУЛИУС. Да, действительно. Никаких криков никто не слышал. Но этому тоже можно дать объяснение. Бедная женщина так испугалась, что у нее, очевидно, перехватило дыхание, и она не в состоянии была издать ни звука.

ЭЛИЗА. Милый мой дядюшка Джулиус, когда пугаешься настолько, что не можешь издать ни звука, то, как правило, ты не можешь и двигаться. Тебя словно парализует. Я где-то читала об этом в статье одного ученого. Но он там давал сноску, что в отношении женского пола сей факт не вписывается в общую теорию. Эмоциональный статус женщины носит настолько мощный структурный потенциал, что вырабатывает стойкий иммунитет к любому виду паралича. И те парализованные старушки, коих мы имеем незавидное удовольствие наблюдать в нашей реальности, всего-навсего несчастные, потерявшие где-то по дороге этот самый потенциал.

НИКОЛЬ (обращаясь к Рэю). Теперь ты понял, мой дорогой братец, какого свалил дурака, когда хотел напугать меня в прошлом году в замке «Зеленых духов», нарядившись каким-то пугалом? Помнишь?

РЭЙ. Еще бы не помнить! Ты мне чуть ухо не откусила! Зато когда я в этом же наряде, да еще с окровавленным ухом предстал перед миссис Лоуренс, то уверен, что все зеленые духи, какие только были в замке, вмиг разлетелись, кто куда, стоило им только увидеть физиономию этой почтенной леди.

АМАНДА. Ну как тебе не стыдно, мальчик мой, вспоминать такое! Достаточно того, что нам пришлось полностью покрыть все медицинские расходы, пока миссис Лоуренс лежала с сердечным приступом. И как мы сидели тогда как на иголках, молясь, чтобы с ней не случился летальный исход.

НИКОЛЬ. Очевидно эта старая кошелка, миссис Лоуренс, так стремилась потерять свою девичью честь, выскакивая в сорок лет замуж, что вместе с этим, как раз, и посеяла где-то свой потенциал.

АМАНДА. Николь!

НИКОЛЬ. Извини, мамочка! Больше не буду.

ДЖУЛИУС. Элиза, дитя мое, осмелюсь признать, что приведенный тобой факт очень интересен. Но мне думается, не стоит все же к нему относиться настолько уж серьезно. Автор статьи, насколько я понимаю, мужчина?

ЭЛИЗА. Да. Профессор... Брэгг... кажется... Или что-то в этом роде. Точно не помню.

ДЖУЛИУС. Неважно. Главное, что это мужчина. А когда мужчина начинает раскрывать внутренний мир женщины, то это может привести к таким парадоксальным выводам, что немудрено вывихнуть себе мозги. Это я говорю как мужчина, проживший почти тридцать лет с прекраснейшей из женщин. И все эти годы я был счастлив, потому что никогда не пытался влезть в ее шкуру. Никогда не пытался понять, а просто любил, и в ответ получал то же самое; во всяком случае, мне всегда так казалось.

АМАНДА. О, Джулиус! Милый мой Джулиус! Это так трогательно! Вот только я не совсем уразумела, как мне относится к тому, что ты никогда не пытался меня понять. Выглядит как-то унизительно. Ты не находишь, дорогой?

ДЖУЛИУС. Ничуть, дорогая! Я не пытался тебя понять, потому что мне это просто не было нужно. Не было никакой в том необходимости. Попытка понять женщину, это в итоге разочароваться не так в ней, как в себе. Она так и останется для тебя загадкой, а ты будешь выглядеть в своих глазах полным идиотом. Нет, уж лучше женщину просто любить! И чем крепче ты ее любишь, тем меньше задаешься вопросом о ее внутреннем механизме... Извините, я имел в виду, конечно, внутренний мир.

РЭЙ. Bravo, отец! Я полностью тебя поддерживаю! Мне даже как-то приспичило, помню, написать об этом научный трактат. Не именно об этом, а вообще, о женщине.

НИКОЛЬ. Уверена, что эта гениальная мысль посетила твою голову после того, как одна из твоих пассий в очередной раз турнула тебя. Представляю, что бы ты нацарапал в своем трактате!

РЭЙ. Уж во всяком случае, не о том, как в семнадцать лет ты устроила целую трагедию из-за своих ушей. Тебе вдруг показалось, что их конфигурация портит общую твою сексуальность. Хотя тебе тогда требовался полный капитальный ремонт. Впрочем, он и сейчас тебе не мешает.

НИКОЛЬ. На себя посмотри, ты, недоразумение в брюках!

АМАНДА. Не ссорьтесь, дети! Как вам не стыдно! Что подумает о нас наша милая гостья?!

ЭЛИЗА (все это время находясь в задумчивом состоянии и как бы не участвуя в этих семейных передрягах). А что-либо из ценностей пропало из ювелирного магазина? То, что должно было находиться, но так и не нашлось. Ведь, насколько я знаю, у каждого ювелира должна быть опись всех имеющихся у него в наличии побрякушек. А так же товарная книга купли-продажи. Или как там она называется. По этим бумагам можно было бы составить полный отчет, что есть, а чего не хватает.

ДЖУЛИУС. Увы! Сиих документов обнаружено не было. Следствие изрядно поломало над этим голову; и, в конце концов, пришло к выводу, что те драгоценности, которые были обнаружены в карманах преступника, и те, что валялись рядом на полу, и составляли весь имеющийся на данный момент запас.

ЭЛИЗА. Однако это довольно странно! Не находите, дядюшка?

ДЖУЛИУС. Странно, но не настолько, чтобы не иметь логических предположений. Юджин Фах вполне мог эти документы держать где-нибудь в другом месте. Как раз именно на случай ограбления.

ЭЛИЗА. Но не на случай убийства.

ДЖУЛИУС. Ну, дитя мое, кто ж будет постоянно держать в мыслях вероятность подобного финала! Так и свихнуться недолго!

ЭЛИЗА. Зачем же такое держать в своей голове! Достаточно поставить в известность кого-нибудь из доверенных лиц. При подобной трагедии такое лицо тут же обязано известить полицию о том, где жертва хранит, или хранила, финансовые документы.

ДЖУЛИУС. Да, такое практикуется. Однако далеко не всегда. И убийство Юджина Фаха и его жены Молли яркое тому подтверждение. Доверенное лицо, могущее указать, где находятся документы, так и не всплыло в течение всего этого, довольно таки раскрученного, в плане информационного ажиотажа, судебного процесса.

РЭЙ. Верно, отец! Ты попал в самую точку! Этот несчастный просто-напросто утонул. Купался себе парень в теплых курортных водах, наслаждался морскими накатывающимися волнами, и тут вдруг увидел русалку! А после ночного randevu, особенно на курорте, кто только не повстречается на следующее утро! Мне, например, как-то после одного такого ночного отдыха, практически до обеда покоя не давали какие-то мерзкие зеленые человечки. А тут парню повезло! Как-никак, русалка! А они, как правило, необычайно обворожительны! Вот бедолага и ушел за ней, под воду. Как вам такая версия? Принимаете на вооружение?

НИКОЛЬ. Только как аргумент при вынесении диагноза в психбольнице.

ДЖУЛИУС. Не надо так категорично, Николь. Рэй, все-таки, хоть и с пафосом, но привел возможный факт, имеющий право на существование. И не будем относиться к этому столь уж критично. Другое дело, что вероятность этой версии настолько мала, что, думается, задерживаться на ней не стоит.

НИКОЛЬ. Интересно, а что в версии Рэя для тебя кажется маловероятным, отец, появление самой русалки или то, что парень за ней нырнул?

ДЖУЛИУС. Наличие русалки в этой версии как раз меня совсем не удивляет. Кто ж в молодости не мечтал встретиться в море с такой сказочной красоткой! Вероятность совпадений – вот что больше всего смущает.

НИКОЛЬ. Ты имеешь в виду, что утонуть как раз в этот самый момент?

ДЖУЛИУС. Именно это я и подразумевал.

ЭЛИЗА. Простите, а почему мы заикнулись на том, что это доверенное лицо, если таковое вообще существовало, ушло из жизни по собственной оплошности?! Утонуло, или каким-то другим способом, неважно. Что если этому лицу, которое, кстати, могло быть не только мужчиной, но и женщиной, помогли отправиться на тот свет.

В гостиной повисла минутная пауза.

ДЖУЛИУС. Ты хочешь сказать, дитя мое, что его... ее... то есть это доверенное лицо могли убить?! Но тогда выходит, что у Сола Митчелла был сообщник!

РЭЙ. Или Сол Митчелл, до того как нанести визит семейству Фиш, сам позаботился о том, чтобы доверенное лицо замолкло навеки.

ЭЛИЗА. Или Юджина Фиша, его жену Молли и это третье, пока что виртуальное, лицо убил вовсе не Сол Митчелл, а кто-то другой.

НИКОЛЬ (заливаясь громким смехом). Ха-ха! Ой, не могу! Обсудили, называется! Договорились до того, что ты, папочка, осудил на смерть невинного!

ДЖУЛИУС (основательно смутившись). Ну, начнем с того, что приговор выносит суд присяжных. Я лишь оглашаю вердикт. Но конечно, все стороны судебного процесса несут ту или иную ответственность за окончательный итог. И я в том числе. А потому мне даже представить трудно, что Сол Митчелл казнен несправедливо.

ЭЛИЗА. Не волнуйтесь так, дядюшка! Это всего лишь неудачное предположение глупой студентки юридического факультета. Не более того.

ДЖУЛИУС. Не называй себя глупой, дитя мое, не надо. У тебя острый и пытливый ум. Из тебя получится прекрасный юрист. Ты станешь отличным адвокатом, судьей, или, если уж так вдруг приспичит, прокурором, хотя лично я не советую, это не твое. Но сначала, кем бы ты ни стала, ты научишься взвешивать каждое слово. Сейчас ты только еще студентка, только учишься, и поэтому вполне можешь выплескивать вслух любые предположения, которые залетели в твою милую головку. Но... Твое предположение, что... Я даже не знаю, как реагировать на это!

АМАНДА. Дорогой, успокойся. Что, в сущности, произошло! Элиза просто-напросто высказала свое мнение. Все мы сегодня уже наговорили всякого!

НИКОЛЬ (несколько вызываясь). Да, мамочка! Но только никто из нас даже подумать не смел, что Сол Митчелл может быть невинным! Что отец отправил на смерть человека, не совершившего преступления. Случись это в действительности, какой позор ляжет на нашу судебную систему! Какой позор ляжет на отца, а вместе с ним и на всю нашу семью!

РЭЙ. Расслабься, сестричка! Ты что-то уж слишком возбудилась. Мы просто играем в судебный процесс. Понимаешь, играем! И здесь каждый может высказывать то, что ему заблагорассудится. Верно, отец?

ДЖУЛИУС (с усталым и несколько растерянным видом). Да, наверно... Что-то я устал. Время позднее, пора идти спать. Предлагаю на этом прервать нашу, так сказать, игру... Судебное заседание переносится завтра.

Занавес опускается. Конец первого акта.

Акт второй.

Утро следующего дня. В гостиной Дороти занимается уборкой. Заходит Элиза.

ДОРОТИ. А, мисс Элиза! Уже встали? Как вам отдыхается? Небось, после такого насыщенного вчерашнего дня спали как убитая!

ЭЛИЗА. Увы, дорогая Дороти. Практически всю ночь не сомкнула глаз.

ДОРОТИ. Что так?!

ЭЛИЗА. Лежала, думала, анализировала.

ДОРОТИ. Бедняжка! Поди, вымотались! Что ж вы так рано спустились-то! Полежали б еще, авось сон и пришел бы.

ЭЛИЗА. Не беспокойтесь обо мне, это лишнее. Я привыкла проводить ночи в раздумьях. И это отнюдь не мешаю моему организму. Я прекрасно себя чувствую! Даже, наверно, лучше, чем, если бы всю ночь спала.

ДОРОТИ. Ох уж эта молодежь! Столько энергии, что совсем можно обходиться без сна! Когда-то я тоже была такой.

ЭЛИЗА. Неужели?!

ДОРОТИ. О-о!!! Гоняла с мальчишками, как угорелая! Помню, в шестнадцать лет ужасно захотелось научиться ездить на мотоцикле. Какой это был кошмар! Мотоцикл здоровый, старого образца... Хорошо, что Дик, мой приятель, как мог, позаботился о моей безопасности. Нацепил на меня все, что только можно! Танковый шлем, хоккейные щитки, а на грудь – благо она у меня была не такой пышной, как сейчас – прикрепил фрагмент от рыцарских доспехов, которые он стянул на одной киносъемке.

ЭЛИЗА. Представляю это зрелище!

ДОРОТИ. Ха! Это еще было не зрелище! Зрелище началось, когда я на этом металлоломе тронулась с места! Дик не успел заскочить на заднее сидение... Я что-то нажала, толи рукой, толи ногой... а может и тем и другим одновременно... Мотоцикл как понесло! А я как завизжу! Мотор ревет, я кричу... И тут вдруг перед глазами сарай... Мама дорогая, как я этот сарай насквозь прошила! Он так и рухнул за моей спиной. Свиньи врассыпную, бык за мной! Я продолжаю орать, а мотоцикл только еще больше набирает скорость. Огородное пугало, забор, только что построенный, не использованный еще клозет... овощехранилище... Вот приблизительный список жертв моей первой и единственной самостоятельной поездки на мотоцикле.

ЭЛИЗА. И чем все закончилось?

ДОРОТИ. Купанием в речке. Мотоцикл, разумеется, пошел на дно, а я, каким-то чудом умудрившись сбросить с себя доспехи и щитки, вынырнула, и буквально через секунду, даже не помня как мне удалось вылезти из воды, лежала уже на берегу... обессиленная, и на пороге нервного срыва. Ой, что ты! (махнула она рукой) Мы такое творили! Я иногда как начинаю вспоминать, самой не верится.

ЭЛИЗА. И как давно вы работаете в этом доме?

ДОРОТИ. Да уже, поди, лет семь. Конечно, в молодости я мечтала совсем о другом. Но, жизнь так сложилась...

ЭЛИЗА. Вам здесь не нравится?

ДОРОТИ. Вот еще! Стала б я тут работать, если бы мне не было это по душе! Просто, порой задумываюсь, как бы иначе сложилась моя судьба, не выскочи я замуж в семнадцать лет.

ЭЛИЗА. За Дика?

ДОРОТИ. Нет, что ты! Дик отличный парень, и он мне очень нравился... однако... Никаких моих женских чар для этого не хватило бы. Он имел несколько другую сексуальную ориентацию. А выскочила я за одного проходимца, который смылся через полгода, прихватил с собой кое-какие мои сбережения. Но я даже не стала разыскивать его, и тем более подавать на него в суд. Я была рада, что он исчез из моей жизни.

ЭЛИЗА. Ну а потом, вы еще раз вышли замуж?

ДОРОТИ. Нет, больше я такую глупость не совершала.

ЭЛИЗА. Почему глупость?! Разве можно из-за одного ничтожества, попавшегося тебе на пути когда-то в юности, обречь себя на пожизненное женское одиночество! Мне кажется, это абсолютно не верно!

ДОРОТИ. Конечно ты права, девочка. Но так уж сложилось, что я так и не встретила человека, за которым могла бы пойти на край света. А связывать свою судьбу с кем попало, имея на примере то самое, как ты выразилась, ничтожество, было выше моих сил и желаний. Однако это совсем не значит, что я отказалась от главного женского счастья. У меня есть любимый сын, Джеймс. Он уже довольно взрослый. Настолько взрослый, что скоро собирается жениться. И должна сказать, что его невеста мне очень нравится; что, наверно, не так часто случается в оценке будущей свекрови.

ЭЛИЗА. Случайно не от первого ничтожества?

ДОРОТИ. Кто, Джеймс? Нет, не от первого. И возможно, даже, что совсем не от ничтожества. Впрочем, гарантии на этот счет дать не могу. Мы повстречались в один прекрасный день, на лазурном берегу южного теплого моря. Провели вместе вечер, плавно переходящий в ночь. А на рассвете расстались. Расстались навсегда.

ЭЛИЗА. И он так и не узнал, что у него от вас есть ребенок?

ДОРОТИ. Нет, конечно. При желании я, вообще-то, могла бы найти его... кое-что он о себе, все-таки, рассказывал; и даже, наверно, более подробно, чем того требовали обстоятельства... Мужчины такие разговорчивые во время секса! Но такого желания у меня не возникло. К тому же, на тот момент у него уже было трое детей, и жена вынашивала следующего; так что ему и так достаточно.

ЭЛИЗА. Простите за не совсем тактичный, возможно, вопрос. А что Джеймс знает о своем отце?

ДОРОТИ. Вопрос вполне тактичный... закономерный. Отец Джеймса был отважный и целеустремленный человек. Занимался альпинизмом. Погиб во время покорения очередной вершины. В общем, вполне обыденная биография героического отца.

ЭЛИЗА. Не знаю почему, но мне думается, что, несмотря на такую, казалось бы, не совсем удачно сложившуюся личную жизнь, вы, тем не менее, счастливы. И счастливы по-настоящему.

ДОРОТИ. Я действительно счастлива. Счастлива по-настоящему. Во всяком случае, я себя такой чувствую. И мне очень нравится работать здесь, в семье Престонов. Они все очень милые и хорошие люди. Молодежь, конечно, немного распушена, но это и естественно в их возрасте.

ЭЛИЗА. Да, Николь и Рэй порой бывают резковаты. Я заметила, что они как-то не особенно ладят друг с другом. Или мне это только показалось?

ДОРОТИ. Обычные отношения между братом и сестрой. Сорятся, мирятся. Рэй более сдержан, как-никак мужчина, да и немного постарше. Ну а Николь... Иногда у меня складывается такое впечатление, что она не вышла еще из переходного возраста. Как бы застряла в нем. Но все равно это милая и добрая девушка. И я люблю ее не меньше, чем Рэя. А может, даже, и больше.

ЭЛИЗА. Она ваша любимица. Вы любите ее больше всех в этой семье.

ДОРОТИ. Наверно так оно и есть.

ЭЛИЗА. А что, у Николь кто-то имеется?

ДОРОТИ. О, в этом плане у нее все в порядке! Даже слишком! Аж зашкаливает! Далеко не все ее считают красавицей, однако парни к ней липнут как мухи. Будто она медом намазана.

ЭЛИЗА (про себя). Может медом, а может еще чем-то. Мало ли на что слетаются мухи.

ДОРОТИ. Не расслышала!

ЭЛИЗА. Я говорю: наверняка ей много подарков дарят поклонники.

ДОРОТИ. А то как же! Постоянно хвастается, показывая ту или иную подаренную безделушку. А бывает, что поклонник расщедрит и преподносит ей что-то более дорогое. То сережки золотые, то колечко с бриллиантом. А давеча она продемонстрировала брошь. У!!! Денег стоит немерено! Уж я-то немного разбираюсь в этом... Ой, да что ж это я, в самом деле! (запускает руку в карман халата) Совсем уже

забывчивой сделалась! Убиралась в прихожей, и вот нашла. Под тумбочкой лежала. Та самая брошка (показывает Элизе).

ЭЛИЗА (берет брошь в руки и рассматривает ее). Да, камушки ценные.

ДОРОТИ. Ну, так я и говорю! И платина знатная! Видать, работа тех еще мастеров. Вещичка-то старая, антикварная. Очевидно, Николь обронила ее в спешке. Она вечно торопится!

ЭЛИЗА (внимательней присматриваясь). Здесь что-то выгравировано. Какие-то буквы. Очень мелко, не разберу.

ДОРОТИ. А ну, дай посмотрю!.. (тоже пытается разобрать буквы) Нет, я тоже не разберу. Сейчас, минуточку!.. Где-то здесь должна быть лупа (роется в ящике стола, и достает лупу). А, вот, нашла!

ЭЛИЗА (берет лупу и читает). «М», «Ф». Любопытно!

ЛОРОТИ. Что тут может быть любопытного? Вещь старинная, и кто-то из бывших владельцев давным-давно поставил свои инициалы. А может это инициалы самого мастера. В любом случае, это уже неважно.

ЭЛИЗА (с задумчивой загадочностью). Как знать!

ДОРОТИ. Пойду, отнесу. А то бедняжка ненароком обнаружит, что такая ценная вещичка пропала... да еще, возможно, от самого любимого ее поклонника, ведь на такой подарок не каждый раскошелится просто так, без серьезных чувств... И не дай бог от этого еще морщинки появятся. А для молодой девушки это будет просто таки катастрофа!

Дороти уходит. Элиза остается одна.

ЭЛИЗА. Интересный поворот событий! Ну что, юная мисс юрист... Вот тебе и первый серьезный экзамен... Но готова ли ты?! А почему, собственно, нет?! Да, но на карту поставлена... Что? Честь, престиж, доброе имя... Так?.. Это дом твоих родственников. Это практически твоя семья... ты предлагаешь мне сделку с совестью? А как же закон, присяга? Но ты еще не юрист. Ты еще не давала присяги. Ты, в сущности, еще никто!.. Ага, я никто! В таком случае, что мне мешает открыть истину?! Что можно спросить с того, кто просто «никто»?.. Или, может, некто? Как лучше звучит?.. Адвокат мисс Элизабет Некто! Каково, а! Намного лучше, чем какое-то серое «никто». Серое и ничемное... (Элиза оживает, хватая с вешалки конфедератку, надевает, берет с журнального столика очки, цепляет себе на нос, усаживается за стол, насупливается, и входит в роль судьи) Мисс Некто, у вас есть аргументы в защиту своего подопечного? (тут же снимает очки, вскакивает из-за стола, и принимает важную позу) Разумеется, «Ваша честь»! Позвольте приступить? Благодарю вас, «Ваша честь»!.. (заложив руки за спину, медленно ходит по гостиной) Начнем с того, что мой подзащитный ни в чем не виноват. И это такая же истина, как и то, что вы, «Ваша честь», являетесь мужчиной... (хватается за живот и смеется) Что за бред! Представляю его выпученные зенки!.. Ух!.. Ладно. Раз уже сказала такое, значит... придется вам, «Ваша честь», как-то реагировать (Элиза вновь стремительно усаживается за стол и цепляет на нос очки). Мисс Некто, вы переходите границы своих полномочий! Позволю вам заметить, что вы находитесь в суде. И поэтому постарайтесь вести себя подобающим образом. Иначе мне придется попросить вас удалиться из зала. (она вновь в роли адвоката) Прошу простить меня, «Ваша честь». Это все из-за того, что данный судебный процесс является обыкновенным фарсом... (перевоплощается в Элизу, то есть в саму себя) Нет, после этих слов меня точно выгонят из зала, оштрафуют за неуважение к суду, и, того и гляди, лишат адвокатской практики... Но представим себе, что судья нормальный. Например, дядюшка Джулиус. Да, точно! Почему бы и нет... (судья) Вы забываетесь!.. (Элиза) Нет, не так... (судья) Уважаемая мисс Некто, соизвольте аргументировать ваше последнее заявление. В противном случае, как это ни прискорбно, вас высекут розгами... (Элиза) Да, и будут сечь до тех пор, пока ваша очаровательная попка не превратится в разбухшую тыкву. Тьфу, ерунда какая-то!.. И вообще, у нас демократическая страна!.. (судья) Вы назвали данный судебный процесс фарсом. Я не ослышался? (адвокат) Нет, «Ваша честь», вы не ослышались. Могу аргументировать сие заявление. (судья) Сделайте одолжение. Мы вас внимательно слушаем. (адвокат) Начну с того, что следствие с самого начала пошло заведомо ложным

путем... (Элиза) так, кого-то здесь не хватает... Ну конечно же! Прокурора! Такой весь из себя... Одним словом, придурковатый напыщенный индюк. Попробуем (воплощается в прокурора). «Ваша честь», я протестую! Защита применяет запрещенный метод давления на присяжных! (адвокат) «Ваша честь», я всего лишь констатирую факты. (прокурор) Какие факты?! Мы лишь слышим голословное утверждение, ничем не обоснованное. (адвокат) Я как раз и собираюсь обосновать. И если вы не будете мне мешать, уважаемый обвинитель, то очень скоро убедитесь, что весь этот судебный процесс, просто фальшивка. (судья) Я еще раз прошу сторону защиты удерживаться от столь категорических высказываний. Однако, вместе с тем, я поддерживаю мисс Некто, и предоставляю ей возможность доказать справедливость обвинения, обращенного в адрес следствия, а так же и всего судебного процесса. Протест отклоняется. Защита, прошу вас, мы слушаем. (адвокат) Спасибо, «Ваша честь». Итак... (Элиза на минуту задумалась, медленно подошла к ближайшему креслу, и плюхнулась в него, тяжело переводя дух после такой активной сценки театра одного актера)

В гостиную заходит Дороти.

ДОРОТИ. Николь спит, как сурок. Я положила брошку на ее туалетный столик. А что это здесь делает конфедератка мистера Джулиуса, и очки миссис Аманды?

ЭЛИЗА. Да это я тут примеряла. Прикидывала, как более убедительно, в очках или без. В судебном процессе главное не только задать правильный тон, но и внешним своим видом показать весь свой юридический потенциал.

ДОРОТИ. Вот эту панамку с кисточкой и эти старые окуляры могут подобное внушить?! Ах, деточка моя! Какая же ты все-таки еще юная и неопытная!.. Как-то мне довелось поприблизиться на одном судебном разбирательстве. Дело касалось, если память мне не изменяет, украденной коровы. Так вот, со стороны защиты выступал молодой адвокат, примерно такого же возраста как Рэй. В зале суда он появился в шортах, в сандалиях на босу ногу, и в футболке с надписью: «Все на защиту ночных бабочек!» И что ты думаешь! Он выдал такую яркую речь, что весь зал взорвался громом аплодисментов! Разумеется, что это дело с блеском им было выиграно. Вот так вот!

ЭЛИЗА. А вы, случайно, не помните имя этого адвоката?

ДОРОТИ. Куда там! Нет, конечно!

ЭЛИЗА. Жаль. Было бы интересно с ним пообщаться. А как давно это было?

ДОРОТИ. Не так уж и давно, лет пять назад. Наверняка вы еще повстречаетесь.

ЭЛИЗА. Надеюсь.

ДОРОТИ. Как-никак, одним делом занимаетесь.

ЭЛИЗА. Надо поковыряться в судебных архивах.

ДОРОТИ. Точно! И узнаешь его имя. А он, помню, мне очень понравился.

Симпатичный парень.

ЭЛИЗА (несколько смутившись). Мне абсолютно безразлично, как он выглядит! Меня интересуют его профессиональные качества; его способности как адвоката.

ДОРОТИ (подыгрывая ей). Ну разумеется! Тебе, моя деточка, еще рано думать об амурах. Это я так, ляпнула, не подумав. Совсем ничего не имела в виду. Да и мало кто мне может понравиться! Буквально вчера, на рынке, мне приглянулся один хромой оборванец. Я потом весь вечер его вспоминала. А утром проснулась, и диву далась, как мог мне понравиться этот грязный лохматый калека! Очевидно, сыграло обыкновенное чувство жалости. Возможно, что-то подобное произошло и тогда, с тем молодым адвокатом. Мятые шорты, нестиранная футболка, какие-то смешные сандалии...

ЭЛИЗА. Да, но на следующее утро ваши симпатии к этому парню ведь не изменились же?!

ДОРОТИ. Да, не изменились. Что верно, то верно.

ЭЛИЗА (как бы ненавязчиво переводя разговор в другое русло). Так вы говорите, что эту брошь Николь получила в подарок совсем недавно?!

ДОРОТИ. Насколько помню, я этого не говорила. Но брошь действительно появилась у Николь несколько недель назад. Во всяком случае, раньше я ее не видела.

ЭЛИЗА (вновь перескакивая на другую тему, словно играя в какую-то игру). А как у Рэя обстоят дела с девушками? Мне показалось, он в этом плане тоже довольно таки успешен.

ДОРОТИ. Отнюдь нет. На моей памяти лишь одно его серьезное увлечение. Оно, кстати, чуть не привело к трагедии. Рэю тогда еще не исполнилось и девятнадцати; поди как тебе сейчас. Я тогда только пришла в этот дом. Он влюбился в одну экстравагантную дамочку, много старше себя, да к тому же замужнюю. Дамочка просто решила слегка позабавиться, так сказать, выпустить пар, скопившийся в результате серой однообразной семейной жизни. Вскружила парню голову. А когда ей это уже надоело, придумала легенду, что с радостью развелась бы с мужем, чтобы стать навеки его суженой, но вот религия, которую она свято соблюдает, не позволяет этого сделать... И вдогонку к этому тут же возьми и ляпни: покуда муж, с которым обвенчалась перед Богом и людьми, жив и здоров. И что ты думаешь! Рэй намерился его убить!

ЭЛИЗА. Мужа?

ДОРОТИ. А то кого же! Стащил у мистера Джулиуса пистолет...

ЭЛИЗА. У дядюшки есть пистолет?

ДОРОТИ. Да. Один его друг, генерал, когда-то подарил ему. Мистер Джулиус вытащил его сына из одной, очень неприятной ситуации. А вояка, он и есть вояка! Чем отблагодарить приятеля, как не оружием! Автомат там какой-то или пулемет было бы не совсем подходяще, а вот пистолет – в самый раз.

ЭЛИЗА. С патронами?

ДОРОТИ. В том-то и дело! Две пачки патронов, как и полагается, были добавлены к пистолету. Но вот как раз их-то, патроны, Рэй и не смог найти. Мистер Джулиус надежно их спрятал, от греха подальше. Как чувствовал!..

ЭЛИЗА. И что же дальше? Чем закончилась эта история?

ДОРОТИ. Закончилась довольно банально. Как в плохом детективе. Рэй побежал в оружейный магазин за патронами, а хозяин, естественно, видя возбужденного юношу размахивающего пистолетом, скрутил парня и передал полиции. Просидев три дня в одиночной камере, он успокоился, после чего вернулся домой, и больше подобные глупости в его голову не залетали. Во всяком случае, так было видно со стороны. Эти три дня подействовали на него должным образом.

ЭЛИЗА. И дядюшка не смог ничего сделать, чтобы избавить Рэя от заключения под стражу?! Пусть даже и на такой короткий срок!

ДОРОТИ. Ха! Да он же сам это и устроил! В полиции ничего не имели против, чтобы мистер Джулиус забрал своего нерадивого отпрыска, однако принципиальный родитель решил, что сыночку пойдет только на пользу кратковременная изоляция от общества. И оказался прав.

ЭЛИЗА. Да-а!.. Я, конечно, не в праве судить об этом, это дело сугубо личного, семейного характера, но в воспитательных целях подобный подход, мне кажется, несколько тривиален, несовременен. И вообще, как по мне, это было довольно таки рискованно. Могло привести к психическому расстройству.

ДОРОТИ. Психическое расстройство? У Рэя? В жизни не поверю! Да и мистер Джулиус наверняка был такого же мнения, иначе ни в коем случае не поступил бы так, будь в том хоть малейшее подозрение.

ЭЛИЗА. А после этого он потом влюблялся?

ДОРОТИ. Насколько я могла наблюдать, нет... До последнего времени. Вот уже где-то месяц, как он явно не в своей тарелке. Наверняка у него появилась возлюбленная. Уж я-то это чувствую безошибочно!

ЭЛИЗА. А как звали ту, давнюю любовь Рэя?

ДОРОТИ. Сейчас, дай вспомню... Да, точно... Эшли... Эшли Либерти. Кстати, Рэй не так давно вспоминал о ней. Сказал, что она, вроде как бы овдовела.

ЭЛИЗА. И в его голосе не прозвучало никакого волнения?

ДОРОТИ. Абсолютно. Столько лет прошло! К тому же, как я уже отметила, у него появилась любимая. А действующие высокие чувства никогда и близко не подпускают к себе предыдущие.

ЭЛИЗА. Позволю себе тогда еще спросить. А Рэй, когда невзначай вспомнил про Эшли, на тот момент уже находился не в своей тарелке, или это было до того?

ДОРОТИ. Это было... когда он уже того... Ну, в смысле, потерял голову... Да, именно так!

ЭЛИЗА. Значит, у Николь есть на сегодняшний день кавалер с очень серьезными, судя по дорогому подарку, намерениями, и у Рэя так же, судя по наблюдениям со стороны, есть дама сердца. Что ж, полная гармоническая идиллия.

ДОРОТИ. Я даже больше скажу. Только это сугубо между нами.

ЭЛИЗА. О чем речь!

ДОРОТИ. Миссис Аманда тоже имеет кое-кого...

ЭЛИЗА. В смысле, любовника?

ДОРОТИ. Тсс!.. Его самого.

ЭЛИЗА. Обалдеть!

ДОРОТИ. Я даже знаю его имя.

ЭЛИЗА. Вы по совместительству подрабатываете в частном детективном агентстве? (смеется)

ДОРОТИ. Все гораздо проще. Ей как-то пришло письмо не обычной почтой, а с посыльным. Отправитель, некий Шон Янг. Когда я передавала письмо миссис Аманде, она заметно смутилась, и на ее щеках выступил яркий румянец.

ЭЛИЗА. Ну и конечно ее поведение, в последнее время, тоже не было таким, как всегда!

ДОРОТИ. Да, не таким. Хоть она и пыталась изо всех сил держать себя, как обычно.

ЭЛИЗА. Интересно, а дядюшка, случайно, не присоединился к этому семейному клубу «тайных встреч»? Не обзавелся подружкой на стороне?

ДОРОТИ. Мистер Джулиус?! Бог с тобой, деточка! Такое даже и представить трудно! Сколько в этом доме работаю, никогда подобная мысль даже в голову не приходила! Судья Престон, это яркий пример морали и порядочности!

ЭЛИЗА. Я полностью согласна с вами, дорогая мисс Дороти. Дядюшка действительно на редкость порядочный и высокоморальный человек. И тем печальнее будет, если ему придется кое в чем разочароваться.

ДОРОТИ. О чем это вы, мисс Элиза? О каком таком разочаровании идет речь?

ЭЛИЗА. Да нет, это я так, образно. Человеку с такими принципами, как у дядюшки Джулиуса, всегда может найтись повод к разочарованию, в нашем современном и таком далеко неидеальном мире.

ДОРОТИ. Ты совершенно права, деточка. Если бы вы только знали, мисс Элиза, как глубоко он переживает те моменты, когда вынужден, согласно окончательному решению присяжных, выносить суровый приговор, в то время как сам с этим приговором не совсем согласен. То же самое и в обратном направлении; когда он чувствует, что подсудимый заслуживает справедливой кары, а приходится его отпускать, потому как опять, исходя из закона, вердикт присяжных не обсуждается. Хотя, кого ни спроси, каждый скажет, что присяжные, те же люди, и вполне могут ошибаться. Другой вопрос, что более совершенной судебной системы в плане вынесения приговора еще не придумали.

ЭЛИЗА. А как дядюшка отреагировал на решение суда присяжных в деле Сола Митчелла?

ДОРОТИ. Не скажу, что у него был вид человека, полностью согласного с приговором. Но как судья, он дал понять, что доказательная база со стороны обвинения была столь убедительной, что особых сомнений в справедливости вынесенного приговора вроде как бы и не должно быть. Единственное, что ему не давало покоя, так это смертная казнь как таковая. Он вообще, и как представитель юриспруденции, и просто как гражданин, всегда являлся противником смертной казни. Мистер Джулиус не особенно любил разглагольствовать на эту тему, но когда этот вопрос, тем или иным образом, все же поднимался, и у судьи Престона было на тот момент определенное настроение, тогда дискуссия по поводу высшей меры наказания приобретала форму длительных споров и

доказательств. Пожизненное заключение – вот высшая мера наказания с точки зрения Джулиуса Престопа. У каждого человека, какое бы тяжелое преступление тот не совершил, должно быть время для покаяния. Чем тяжче преступление, тем больше времени необходимо для спасения своей души. Или хотя бы попытки ее спасти... Очень часто для этого не хватает всей оставшейся жизни; но предоставить шанс гуманное общество просто обязано... Сол Митчелл совершил тяжкий грех, но разве он не имеет право осознать это, раскаяться?.. Попросить прощение перед Богом. Молиться до конца своих дней; и возможно, все-таки, успеть получить прощение, перед тем, как покинуть сей мир. А так... куда отправится его душа? Без покаяния, без прощения... без осознания...

ЭЛИЗА. Вы даже не представляете, как я с вами согласна, дорогая мисс Дороти. И с вами, и с дядюшкой. Ведь вы, насколько мне видится, полностью разделяете его взгляды в этом вопросе!

ДОРОТИ. Разумеется! И не только в этом вопросе. Я вообще редко когда позволяю себе не соглашаться с мистером Джулиусом в его мировоззрениях.

ЭЛИЗА. Но ведь иногда это все-таки случается, не так ли?

ДОРОТИ. Честно говоря, я сейчас не припомню такого случая. Разве что... Как-то он в пух и прах разносил коммунистов. Крыл их, на чем свет стоит! Уж не помню, с чего вдруг он так разошелся... И тогда я поймала себя на мысли, что не следует мистеру Джулиусу быть таким уж категоричным в этом вопросе. Что, возможно, этих самых коммунистов следует просто пожалеть, потому как они не ведают, очевидно, что творят. А больше... ничего такого, что могло бы разительно отличаться в моих взглядах с теми или иными взглядами мистера Джулиуса, на мою память не приходит.

ЭЛИЗА. Интересно будет посмотреть, обнаружатся ли у меня в разговоре с дядюшкой какие-либо разногласия.

ДОРОТИ. Вообще, или в каком-то определенном конкретном направлении?

ЭЛИЗА. Ну, если вообще, то тут, конечно, найдется немало разногласий! Значительная разница в возрасте, а так же стремительное отклонение современных морально-этических норм от норм прошлого воздвигает определенную преграду между нами; между поколением старой закваски, в некотором роде консервативной, и молодым поколением сегодняшнего, не так духовного, как технического прогресса.

ДОРОТИ. Это уж точно! На счет духовности у современной молодежи явные проблемы.

ЭЛИЗА. Мне с дядюшкой любопытно будет порассуждать о наших общих, профессиональных интересах. О юриспруденции; о том, как он относится к новым правовым законодательствам; каково его мнение об изменении некоторых пунктов в положении о презумпции невиновности; и так далее.

ДОРОТИ. Не сомневаюсь, что в этой теме вы найдете гораздо больше соприкосновений, чем отталкивающих моментов. Вы так похожи на своего дядюшку, мисс Элиза.

ЭЛИЗА. Спасибо, дорогая мисс Дороти. Мне приятно это слышать. Пожалуй, пойду-ка я прогуляюсь по саду. Там такой прекрасный воздух! Так хорошо дышится! И так хорошо думается! Как раз то, что нужно, перед тем, как продолжить, начатое вчера, обсуждение судебного процесса.

ДОРОТИ. Да, но перед этим вам предстоит еще нагулять аппетит и слегка подкрепиться, присоединившись к семье Престонов буквально через полтора часа. В это время они привыкли чаевничать в полном составе. Однако в последнее время эта традиция стала несколько нарушаться. То Николь вдруг сорвется с места и убежит по какому-то срочному делу, то Рэй исчезнет по неотложным делам; а то оба вместе где-то пропадают. И тогда мистер Джулиус и миссис Аманда чаевничают в одиночестве. Впрочем, не думаю, что это их очень уж напрягает. Они прекрасно умеют общаться друг с другом, находясь наедине. И мне порой даже кажется, что наедине друг с другом им гораздо интереснее, чем в полном семейном составе.

ЭЛИЗА. Даже если нынче они будут чаевничать одни, надеюсь, я составлю им достойную компанию.

ДОРОТИ. Не сомневаюсь. Тем более что кекс, который я приготовила специально для сегодняшнего чаепития, получился просто великолепный. С ним ни в коем случае не может получиться скучной беседы.

ЭЛИЗА. После таких слов я, право, уже не могу дождаться, чтобы оценить ваш кулинарный талант, дорогая мисс Дороти. Пойду скорее нагуливать аппетит.

Элиза уходит. За ней следом гостиную покидает и Дороти. Прошло несколько часов. В гостиной сидят (кто в кресле, кто на диване) Джулиус, Аманда, Николь и Элиза. Дороти поправляет вокруг стола стулья и убирает посуду.

ДЖУЛИУС. Спасибо, Дороти. Кекс был просто восхитительный! Впрочем, как и все то, что вы для нас готовите, наша кулинарная волшебница.

ДОРОТИ. Ой, мистер Джулиус, вы меня слишком уж балуете комплиментами.

ДЖУЛИУС. Это не комплемент, дорогая Дороти, это факт, который опровергнуть так же сложно, как невозможно опровергнуть то, что вы сегодня просто обворожительны.

Дороти, как бы в смущении, но явно довольная комплиментами в свой адрес, с грациозным достоинством, насколько ей позволяли ее комплекция и нынешнее положение, выходит из гостиной.

НИКОЛЬ. Папа, у тебя какое-то слишком уж приподнятое настроение. Я бы даже сказала, счастливое. Уж не влюбился ли ты? А поскольку, кроме как маму, других женщин, соответствующих этой роли, я подле тебя не наблюдаю, то могу предположить, что мамочка как раз и является той самой единственной и неповторимой. На заключительном круге жизненного забега чего только не случается!

ДЖУЛИУС. Чтобы вновь влюбиться в твою маму, моя девочка, для начала нужно ее хотя бы разлюбить. А у меня на это нет ни времени, ни, как ты, безусловно, догадываешься, желания. Да и как вообще можно разлюбить такую женщину, как твоя мама?! Даже на заключительном круге, как ты выразилась, жизненного забега, от этой женщины очень легко потерять голову. Кстати, на счет заключительного круга я с тобой абсолютно не согласен! Второй круг, это да! Но отнюдь не заключительный!

АМАНДА. Все гораздо прозаичнее, моя милая. Просто Матильда победила в последнем забеге; и твой отец сорвал хороший куш.

НИКОЛЬ (всплеснув ладонями). Вот это да-а! Неужели эта старая кляча не только добежала до финиша, но и еще и выиграла?! Поздравляю тебя, папочка!

ДЖУЛИУС. Позволь тебе заметить, мой ангел, что не такая уж Матильда и кляча. И совсем уж не старая. Просто раньше ей не везло. Да, она не всегда доходила до финиша, но в том были свои причины, абсолютно с ней не связанные. Ну а поздравления я, разумеется, с радостью принимаю. Однако, Элиза, дитя мое, ты, кажется, загрустила.

ЭЛИЗА. Ой, что вы, дядюшка, совсем нет! Так, задумалась.

НИКОЛЬ (со свойственной своей язвительностью). Ей, папочка, очевидно не терпится продолжить обсуждение судебного процесса.

ДЖУЛИУС. Так в чем же дело?! Не вижу никаких препятствий! Все в сборе... Вернее, почти все. Думаю, начать мы вполне можем и без Рэя.

Появляется Рэй.

РЭЙ. До моего слуха долетело, что вы собираетесь начать без меня.

НИКОЛЬ. Мы без тебя съели уже весь кекс, кстати, очень вкусный, и выпили весь чай; тоже, между прочим, превосходный. Так что, как видишь, мы давно уже начали без тебя.

РЭЙ. Кекс, это конечно здорово, но, уверен, я это как-нибудь переживу.

АМАНДА. У Дороти наверняка есть еще. Рэй, мальчик мой, я сейчас у нее узнаю!

РЭЙ. Не надо, мама, спасибо! Сладкого мне сейчас меньше всего хочется. Я только что из бара. После трех кружек пива вряд ли в меня полезет даже самый вкусный кекс. Однако это совсем не значит, что я не имею желания присоединиться к вам и поучаствовать в семейных посиделках. С вашего разрешения я погружу свое тело вот в это мягкое кресло. Внутри так булькает, что, боюсь, как бы не расплескать содержимое моего желудка.

Рэй плюхается в кресло, и на этом к его персоне внимание присутствующих ослабевает.

ДЖУЛИУС (обращаясь к Элизе). Ну, дитя мое, ты главный инициатор, тебе и начинать. На чем мы вчера остановились?

ЭЛИЗА. Совсем неважно, дорогой дядюшка, на чем мы вчера остановились. Сопоставив некоторые факты и проанализировав их, боюсь, я вынуждена буду вас очень сильно разочаровать.

НИКОЛЬ. Ну вот, начинается! Сейчас наша уважаемая родственница опять будет доказывать, что Сол Митчелл ни в чем не виноват. А мы, развесив уши, будем с умным видом впитывать ее абстрактные аргументы.

ДЖУЛИУС. Николь, прошу, держи себя, пожалуйста, в рамках приличия.

РЭЙ. И что это ты так занервничала, а, сестричка?!

НИКОЛЬ. Ничего я не занервничала! Просто мне непонятно, как можно подвергать сомнению приговор, который уже приведен в исполнение, и изменить, в любом случае, ничего уже нельзя.

ДЖУЛИУС. Ты заблуждаешься, моя дорогая. Если в результате судебной ошибки, а такое, как это не прискорбно признать, порой случается, жизнь человека спасти уже невозможно, то вот его честь, его доброе имя, восстановить никогда не поздно (и, обращаясь к Элизе). Я правильно тебя понял, дитя мое? У тебя есть обоснованные сомнения по поводу приговора. А может даже и по всему судебному процессу. Так?

ЭЛИЗА. Да, дорогой дядюшка, у меня действительно есть обоснованные сомнения по поводу, как самого смертного приговора, так и всего судебного процесса в целом. Ведь именно судебный процесс, в итоге, привел к тому, что Сол Митчелл был казнен. В библиотеке я нашла подшивку криминальных дел последних лет. Там уже была подшита вся известная информация о процессе, который мы сейчас обсуждаем; или пытаемся обсудить. Всю ночь я провела над этими бумагами. И вот мое мнение: Сол Митчелл не виноват в убийстве ювелира и его жены. Он вообще не причастен к этому преступлению. Попробую описать весь этот сюжет так, как я его себе представляю... Некая преступная мини-группа из двух человек, а точнее будет сказать, криминальный дуэт, состоящий из мужчины и женщины, разработал план ограбления ювелирного магазина. Вполне обычное, в наше время, распространенное преступление.

НИКОЛЬ. Ну конечно! Он и она! Влюбленная парочка промышляет грабежами и убийствами! Что-то подобное уже было.

ЭЛИЗА. Подобное, да не совсем. Это отнюдь не влюбленная парочка. Скорее всего, это брат и сестра.

РЭЙ. Очень оригинально! Николь, может и нам попробовать?! Ты будешь всех убивать, это у тебя должно получиться просто отлично, а я буду тягать за тобой мешки с бриллиантами.

АМАНДА. Господи, Рэй, мальчик мой, что ты такое говоришь! Разве так можно!

НИКОЛЬ. Успокойся, мамочка! Рэй просто хочет утвердиться, как мужчина. Но это в принципе невозможно. Поэтому не обращай внимания на то, что он болтает; тем более после нескольких литров пива.

РЭЙ. Спасибо, сестричка. Ты всегда умела рассмотреть во мне самое главное. И всегда умела подчеркнуть это в самый подходящий момент.

НИКОЛЬ. Не стоит благодарности, дорогой братец. Мы же, как-никак, не чужие. Всякий раз, как только тебе приспичит освежить в памяти свой словесный портрет, я всегда к твоим услугам.

ДЖУЛИУС. Дети, прекратите ссориться. Когда вы уже, наконец, повзрослеете?!

РЭЙ. Что касается меня, отец, то мне, что-то, не очень хочется взрослеть. Ходить постоянно с унылым серьезным лицом и все время думать, как бы в окружении таких же унылых серьезных физиономий не сморозить какую-нибудь глупость! Нет уж, увольте! Уж лучше быть настоящим шутком, чем притворяться фальшивым джентльменом.

ДЖУЛИУС. Джентльмен, мальчик мой, это совсем другое. Это критерий высокой порядочности, и к взрослению никакого значения не имеет. А относительно шута, то настоящий шут, это талант и мастерство. И далеко не каждому это дано. Однако мы отвлеклись. Элиза, пожалуйста, продолжай. Твоя версия меня крайне заинтриговала.

ЭЛИЗА. Да, дядюшка. Так вот. Криминальная парочка, состоящая из брата и сестры, наметила своей жертвой ювелира и его жену. Разумеется, главной целью были драгоценности, но их план изначально предусматривал физическую ликвидацию супругов, если таковые, хоть в малейшей степени, станут проблемой. И естественно они этой проблемой стали, когда оказались в своей спальне. Не думаю, что преступники слишком уж принимались тем фактом, что придется убивать; похоже, они вполне сознательно шли на такой шаг, и основательно к этому подготовились. Убивали прямо в спальне, одновременно. Он разобрался с хозяином, а она – с его женой. Потому никто из соседей и не слышал никаких криков. Жертвы просто не успели издать ни единого звука. Единственный отпечаток, который оставила сама смерть, так это безудержный страх в широко раскрытых от ужаса глазах Молли Фиш, когда безжалостные женские пальцы мертвой хваткой вцепились в ее горло. Затем преступники, забрав большую часть драгоценностей, инсценировали картину преступления так, как ее и увидела полиция...

ДЖУЛИУС. Что ж, дитя мое, этот отрезок твоей версии мне очень понравился. Жду с нетерпением продолжения. Итак, насколько я понимаю, сейчас появится логическое объяснение, какую роль во всей этой ужасной кровавой истории играл Сол Митчелл. Я правильно понимаю?

ЭЛИЗА. Совершенно верно, дорогой дядюшка. Подошла очередь вспомнить и о Соле Митчелле. Он, естественно, совсем не случайно оказался на месте преступления. По плану криминальной парочки, им нужно было подыскать такого человека, которого спокойно можно было подставить в качестве убийцы. И такого человека они нашли в одном из дешевых пивных баров. Сол Митчелл любил хорошо выпить, и как обыкновенный пьянчужка, не всегда помнил с утра четко и ясно все детали проведенного вечера. А возможно было такое, что и вообще ничего не помнил. В общем, кандидат для реализации данного преступного плана был практически идеальный. Ну а окончательно криминальная парочка утвердила Сола Митчелла в статусе «козла отпущения», когда выяснилось, что изрядно подвыпивший пьянчужка возвращается домой, как раз минуя ювелирный магазин Юджина Фиша. Возвращался домой Сол Митчелл, как правило, довольно поздней ночью, а стало быть, и подстроиться под него особого труда не представляло. Преступники знали, что их «козел отпущения» проходит мимо магазина практически всегда в одно и то же время. Это было связано с тем, что бар уже закрывался и его, мягко говоря, просто выставляли за дверь; иначе, очевидно, он бы в этом баре и ночевал. Но приходилось возвращаться домой, потому как ночи, все-таки, холодные и валяться под забором было не очень-то приятно... Преступники сделали свое кровавое дело в точно обозначенное время, и теперь поджидали, когда по ночной совершенно безлюдной улице пройдет Сол Митчелл. Он показался вовремя, без опоздания. Брел привычной знакомой дорогой, а потому особенно не глядел по сторонам; да и вряд ли он в таком состоянии мог что-либо разглядеть. И тут, поравнявшись с домом ювелира, он получает сзади удар по голове. Удар довольно сильный, однако, очень расчетливый. Несколько часов беспомощности Солу Митчеллу было обеспечено. Ему в карман засунули немного драгоценностей, и оставили рядом с трупом Юджина Фиша. Затем, под видом анонимного звонка якобы случайного прохожего, преступники вызвали полицию. После чего спокойно исчезли, прихватив с собой достаточно драгоценностей, чтобы до конца

своих дней радоваться жизни и ни в чем себе не отказывать. Кстати, они же позаботились и о документации. Забрали все с собой, и по дороге где-то сожгли.

РЭЙ. Невероятно захватывающая история! Тебе бы с этой версией надо было выступить на процессе. Уверен, зал просто заслушался бы.

ДЖУЛИУС. Ну, зал судебных заседаний, это, все-таки, не литературный клуб. Там нужны конкретные факты. А твоя версия, дитя мое, весьма меня позабавила, но это всего лишь плод разгулявшегося воображения. Хотя, не скрою, воображение очень даже профессиональное.

ЭЛИЗА. Увы, дорогой дядюшка, я бы очень хотела, чтобы это было всего лишь разгулявшееся воображение, однако... Есть некоторые факты... Мне очень жаль...

ДЖУЛИУС. Ты меня пугаешь, дитя мое! Я вижу, ты что-то знаешь такое, о чем тебе трудно сообщить нам, но о чем еще труднее умолчать. Уж не касается ли это кого-нибудь из членов нашей семьи?! Уж не запятнал ли себя кто-то из Престонов несмываемым позором?!

ЭЛИЗА. Боюсь что так, дядюшка.

НИКОЛЬ. Нет, ну это уже слишком! Что ты себе позволяешь, милочка?!

ЭЛИЗА. Начнем с того, что обратим внимание на одну очень дорогую вещичку, бриллиантовую брошь, которую Николь получила в подарок от своего последнего кавалера.

НИКОЛЬ (вспыхнув еще больше). Ну и что тут такого!.. А, тебе завидно?!

ДЖУЛИУС (обращаясь к Элизе). Уж не намекаешь ли ты на то, дитя мое, что... Я хочу видеть эту брошь. Николь, будь любезна, покажи ее.

НИКОЛЬ. Но папа!

ДЖУЛИУС (повысив голос). Я требую!

НИКОЛЬ. Но она в моей комнате!

ДЖУЛИУС. Так сходи за ней! Или это так трудно?!

НИКОЛЬ (явно нервничая). Вовсе нет. Сейчас я ее принесу.

Николь выходит из гостиной. Воцаряется минутная пауза. Каждый не в силах проронить ни слова. В воздухе витает ощущение предшокового состояния. Наконец раздается голос Рэя.

РЭЙ. Интересно, а куда Николь спрятала остальные драгоценности? Не закопала ли она их в нашем саду? Надо бы поискать.

АМАНДА (возмущенно). Рэй, что ты такое говоришь!

РЭЙ. Перестань, мама! Я всего лишь озвучил мысль, которую не смог высказать вслух отец. Ведь он считает... вернее, пардон, предполагает... или как там, в юриспруденции, когда нет прямых доказательств?... не исключает, что эта брошь из тех самых драгоценностей... Верно, отец? А Элиза, наша уважаемая родственница, так кстати и так вовремя свалившаяся нам на голову, подтвердит это более вескими аргументами.

ДЖУЛИУС. Элиза, дитя мое, у тебя есть сейчас что сказать?

ЭЛИЗА (с видом провинившейся школьницы). Есть, дядюшка.

Тут входит Николь. Подходит к Джулиусу и протягивает ему брошь.

НИКОЛЬ (демонстративно). Вот, пожалуйста! Обыкновенная брошь. Да, усеяна немножко бриллиантами! Да, стоит немножко больше, чем какая-то жалкая подделка! Ну и что?! Не хватало еще, чтобы мой кавалер дарил мне какую-то дешевую бижутерию!

Джулиус внимательно рассматривает брошь, затем вопросительно смотрит на Элизу. Девушка берет лупу и протягивает ее судье.

ЭЛИЗА. Там, с другой стороны... внизу. Буквы... «М» и «Ф».

Джулиус присматривается; вместе с ним это делает и Николь.

ЭЛИЗА. Молли Фиш. Жена ювелира. Супруг подарил ей эту брошь и выгравировал на ней инициалы своей любимой.

Джулиус откидывается на спинку кресла и хватается за сердце. Брошь выпадает из его руки и оказывается на полу. Аманда в панике бросается к графину, наливает воды и трясушимися руками протягивает Джулиусу. А Николь, в это время, незаметно подбирает брошь и прячет ее у себя на груди. Джулиус делает несколько глотков, после чего отталкивает руку жены со стаканом с водой.

ДЖУЛИУС (выдавливая из себя каждое слово). Все нормально... Я в порядке... А теперь, Николь, я хочу знать правду. Рассказывай.

НИКОЛЬ (обескураженная и растерянная). Я даже не знаю, что сказать! Это просто какая-то ужасная ошибка! Я просто не понимаю!..

ЭЛИЗА. Дядюшка, позвольте мне угадать, как, приблизительно, все это происходило.

ДЖУЛИУС. Сделай одолжение, дитя мое.

ЭЛИЗА. Начнем, пожалуй, с того, что дадим имена нашим преступникам.

РЭЙ. Очень интересно!

ЭЛИЗА. Намного интереснее, чем ты, милый Рэй, себе это представляешь! Потому как женская составляющая этого дуэта, не кто иная, как Эшли Либерти.

ДЖУЛИУС. Минуточку! Уж не та ли самая, которая...

ЭЛИЗА. Да, дядюшка, именно та самая! Та, которая много лет назад настолько вскружила вашему сыну голову, что он чуть было не совершил убийство.

РЭЙ. Да это просто чушь какая-то! Что за бред?!

ДЖУЛИУС. Молчать! Говорит только Элиза! Продолжай, девочка.

ЭЛИЗА. Убедена, что Рэй абсолютно не знал, каково истинное лицо Эшли; каковы были истинные ее намерения. Он был уверен, что его давнишняя любовь, после того, как потеряла мужа, о чем она сразу же и сообщила ему, опять появилась в его жизни лишь только потому, что не могла без него, и что все эти годы разлуки только о том и мечтала, как бы им соединиться навсегда. Действительно ли умер ее муж, и был ли он вообще у нее когда-нибудь, не могу сказать. Да это, в принципе, и не важно. Семь лет назад Эшли, скорей всего, просто решила немножко развлечься; вот и подцепила себе молодого симпатичного юношу. А когда он ей надоел, сразу же исчезла, потешаясь, время от времени, вспоминая, как этот влюбленный по уши мальчишка намеревался убить ее несуществующего мужа. Однако в этот раз Эшли появилась на горизонте Рэя уже совсем по другому поводу. Когда преступники размышляли, каким образом, не привлекая внимания, последить за ювелирным магазином, чтобы определиться, как лучше всего его ограбить, Эшли как раз и вспомнила о Рэе. Мало того, она еще предложила своему партнеру приобщить и Николь. Разумеется, что никто из вас об этом даже и не догадывался (подняла руку Элиза, предупреждая недоуменное возражение со стороны Рэя и Николь, которые и так, в отличие от своих родителей, сидящих неподвижно в состоянии приближенного к шоку, ерзали в креслах, всякий раз мимикой или жестом реагируя на те или иные высказывания молодой девушки, все больше и больше ощущающей себя самостоятельной юридической особой; правозащитником, который уже сейчас в состоянии держать зал, пусть и не большой, всего в четыре слушателя, в полном напряжении). Напротив ювелирного магазина есть непримечательная, но довольно таки уютная беседка, откуда и производилось наблюдение. Все происходило строго по графику. До обеда там ворковала одна парочка, а после обеда другая. И все было

предусмотрено так, чтобы эти две пары никоим образом, даже случайно, не могли встретиться. Под каким предлогом Эшли затаскивала туда Рэя, а ее партнер – Николь, догадаться не сложно. Как бы прогуливаясь, попадали, как бы случайно, на улицу, на которой приютился ювелирный магазинчик, и таким же, как бы совершенно случайным образом натыкались на скромную, но такую романтическую беседку. Там они и проводили долгие часы уединения; кто-то предавался в это время возвышенным духовным порывам, а кто-то, под соусом этих самых порывов, вел незаметное наблюдение. И если у Эшли никаких затруднений с Рэем не возникало, то вот Николь, очевидно, в одну из таких посиделок мягко дала понять своему воздыхателю, что пора, как бы уже, подтвердить свои чувства чем-нибудь материальным, восхитительным, являющимся, как бы, знаком серьезных намерений. И на следующий же день после известных трагических событий Николь получила в подарок вот эту великолепную брошь. Не могу с достаточной уверенностью утверждать, что это было сделано именно в порыве страсти. Вполне возможно твой кавалер, Николь, просто откупился от тебя. Заплатил, так сказать, за приятно проведенное с тобой время. Ведь сразу после этого он исчез, не так ли? Он простился? Сказал, что ему срочно нужно уехать? Пообещал очень скоро вернуться и осыпать тебя золотом?

НИКОЛЬ (с нервной дрожью в голосе). Ничего подобного он не говорил! Сказал, что его родная тетка при смерти, что ей осталось совсем немного, что он должен находиться рядом в ее последние минуты жизни, и что, как только она покинет этот мир, ему достанется огромное наследство.

ЭЛИЗА. И вы потом сможете пожениться.

НИКОЛЬ (закрыв лицо руками и чуть не рыдая). Он был таким искренним! Я ему так верила!..

РЭЙ (изо всех сил пытаюсь выглядеть мужественно). Однако, как это ни прискорбно, но нас косвенно можно считать соучастниками. Не так ли, наша уважаемая мисс юрист?

ЭЛИЗА. Нет, не так. Я еще не юрист, но мне видится, что ни один прокурор не сможет предъявить вам никаких обвинений, за полным отсутствием состава преступления. И даже брошь, которая, как оказалось, является частью похищенного, может рассматриваться, как доказательство того, что Николь Престон, а вместе с ней и Рэй Престон, сами являются жертвами преступников, которые, воспользовавшись чрезмерным доверием и некоторой наивностью молодых людей, просто использовали их в своем бандитском замысле.

РЭЙ. Что ж, хоть это и выглядит довольно таки унижительно, и глубоко ранит собственную гордость, что не может не сказаться отрицательно на чувстве собственного достоинства, тем не менее, это все же лучше, чем сидеть на скамье подсудимых с гордо поднятой головой и глупым выражением лица. Спасибо и на том, дорогая Элиза. И кстати, или я пропустил, или имя второго фигуранта криминального дуэта так и не было еще озвучено. Хотелось бы услышать, под какой личиной скрывается этот коварный тип, посмеявшийся таким беспардонным образом надругаться над честью моей горячо любимой сестры.

ЭЛИЗА. Я могу назвать его, однако больше чем уверена, что это не единственное его имя. Не знаю, под каким именем он известен Николь, но у меня он ассоциируется как Шон Янг.

Аманда тихо ахнула, однако, не настолько тихо, чтобы это не заметили окружающие.

НИКОЛЬ (успев уже вновь овладеть собой). Мама, что-то я не поняла! Ты была знакома с Фредериком?! В смысле... Ты встречалась с этим подонком?!

АМАНДА (полностью растерявшись и не зная, что ответить). Я... О, Боже!.. Нет!..

Она закрыла лицо руками и разрыдалась, как это совсем недавно изобразила Николь.

РЭЙ (иронично). Да-а, ну и семейка у нас! Стоит чуть капнуть, и тут же натыкаешься на сюрприз.

НИКОЛЬ (с типичной своей агрессией). Нормальная семья! Как и любая другая! Просто нечего бегать с лопатой и копать, где ни попадя! Ишь, выискалась, родственница! (обратив свой гнев на Элизу) Правозащитница! Довольна?! Покрыла позором всю нашу семью!.. Удовлетворена?..

РЭЙ. Ну, этот позор, в принципе, витает только в нашей гостиной. Откроем окно, он, глядишь, в скором времени и выветрится.

НИКОЛЬ. Как же, выветрится! Эта курица (кивает на Элизу) раскудахчет по всему свету. Можешь даже не сомневаться в этом.

ЭЛИЗА. Я бы попросила выбирать выражения.

НИКОЛЬ. Я, как раз, и выбираю. Если бы не выбирала, ты услышала б такое о себе, милочка, что твои уши завяли б, как роза в горшке, украшающая мужское отделение привокзального туалета.

РЭЙ (обращаясь к Элизе). Она совершенно права. Я сам удивляюсь, что в ее лексиконе, в данный момент, так мало присущих ей словосочетаний; просто поразительно, что в таком состоянии ненависти, в котором она сейчас пребывает, почти все слова, вылетающие из ее уст, можно найти в обычном толковом словаре.

НИКОЛЬ. Спасибо, дорогой братец! Ты, как всегда, необычайно тактичен на мой счет.

РЭЙ. Не стоит благодарности, сестричка. Всегда к твоим услугам. И кстати, должен тебе заметить, что роза в мужском отделении привокзального туалета, это извращение. Там более свободно чувствовал бы себя кактус. Как-никак, все-таки мужского рода. А твоя распрекрасная роза вполне благополучно завяла бы и в женском отделении; от одной только трескотни по поводу очередного неудачного брака с очередным старым козлом.

НИКОЛЬ. Вполне возможно, что ты и прав. Розе действительно лучше находиться в обществе достойных себе. То же самое и с кактусом. Ну где же ему находиться, как не в мужском гадюшнике, где только и разговоров, что о глупых женщинах, которые никак не в состоянии понять эту ранимую, утонченную, и практически святую половину человечества... этих грязных, лживых самцов. Тьфу!

РЭЙ. Ну куда уж нам грешным с вами тягаться! Вы же у нас, вроде как бы основной источник вдохновения! Мы вас носим на руках... ведь все равно больше некого... Не корову же тягать на своем горбу! Достаем с неба звезды, пока не замечаем, что сбиваем их своими рогами, которыми вы нас награждаете, оправдывая это тем, что сокращается популяция оленей...

НИКОЛЬ (демонстративно смеется). Ха-ха! Вы только посмотрите на этого говоруна! О каких рогах ты толкуешь?! Рога могут вырасти только, пусть и не у совсем удачных, но, тем не менее, у настоящих самцов! А ты к ним, при всем своем желании, относиться ну никоим образом никогда не сможешь. Обделила тебя природа сим достоинством. Ты уж прости ее за это!

ЭЛИЗА. Да прекратите вы! Как вам не стыдно! В такой момент выяснять между собой отношения!

НИКОЛЬ. Ах да, извините, госпожа судья! Мы и забыли, что вы у нас здесь главное действующее лицо. Очевидно, мы, как подсудимые, должны сейчас склонить головы, и с трепетом слушать ваш окончательный приговор. Смелее, наша юная госпожа судья!

ЭЛИЗА. Судья здесь только один, и только ему решать, каков будет вердикт (поворачивается к Джулиусу). Дядюшка Джулиус, скажите что-нибудь. Если я поступила неправильно, заварив всю эту кашу, тогда гоните меня отсюда ко всем чертям; я не обижусь. Я только поплачу немножко в вашем прекрасном саду, прислонившись к яблоне, и всё... Посоветуйте мне бросить юридическое обучение и заняться чем-нибудь другим, где не надо будет жонглировать судьбами людей. Я обещаю, что несколько дней, уткнувшись в подушку, серьезно буду думать об этом. И может даже, на какое-то время, мне удастся убедить себя в том, что это действительно не мое призвание. Что мое

призвание, быть обыкновенной женщиной, заниматься обыкновенными женскими делами, и иметь обыкновенную женскую работу...

Джулиус, который все это время сидел с видом полного поглощения в себя, прикрыв ладонью глаза и, казалось, не слыша, о чем говорится вокруг, медленно поднялся из кресла, обвел присутствующих долгим внимательным взглядом, и скрипучим уставшим голосом, с трудом выдавливая каждое слово, начал говорить.

ДЖУЛИУС (обращаясь непосредственно к Элизе, однако взгляд его оказался для него самого настолько тяжел, что он не смог поднять его и посмотреть прямо в глаза девушке). Нет, дитя мое, отбрось эти сомнения. Ты отличнейшим образом раскрутила этот клубок. И я благодарен тебе... Ты единственный светлый луч в этом мрачном подzemелье... Ты станешь великолепным юристом, дитя мое, настоящим профессионалом своего дела; я в этом абсолютно уверен. И я благословляю тебя на этот трудный, но очень правый путь... Моя жена, моя любимая Аманда... с каким-то... Как ты могла?! (поднимает руку, останавливая супругу, которая пытается что-то сказать в свое оправдание) Молчи! Не надо ничего объяснять... Не стоит попусту сотрясать воздух... А мои дети... выросли просто эгоистами; с мелкими душонками и крупными амбициями. В кого вы такие?.. Откуда взялось у вас все это?.. Откуда?.. Душно... Мрачно... И непоправимо... Как же все непоправимо!.. Вы понимаете, что ничего уже нельзя исправить?! О чем мы тут разглагольствуем?! О чем спорим друг с другом?! Какую истину пытаемся найти?.. Сол Митчелл несправедливо казнен! Мы его попросту убили... Мы все... Всё наше общество... Вся наша правовая система... просто взяла и списала человека... Списала из этой жизни. Подумаешь, ну ошибка вышла! С кем не бывает?! Душно (прикладывает руку к груди)... Как же тут душно!..

Тяжелым медленным шагом Джулиус направляется к выходу из гостиной. У самой двери он останавливается и оборачивается.

ДЖУЛИУС. Сегодня во сне я летал. Впервые за последние лет пятьдесят...
Забавно...

Он горько усмехается и выходит из гостиной. Через минуту из его кабинета доносится пистолетный выстрел. Аманда вскрикивает, остальные застывают в разных недоумевающе-испуганных позах.

Занавес.